

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат • Избранное • Выпуск 44
ISSN 0343-5245

«НАДЕЖДА»

Отрывки из №№ 2, 3, 4, 5, 6

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск 44

«НАДЕЖДА»

Отрывки из №№ 2, 3, 4, 5, 6

ПОСЕВ 1981

Приложение к ежемесячному журналу „П о с е в”

© Possev-Verlag, V. Gorachek., 1982
Frankfurt a. M.
Printed in Germany

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Чтобы ознакомить больший круг читателей с существующим уже почти пять лет самиздатским сборником „Надежда” мы решили в этом номере „Вольного слова” напечатать отрывки из помещенных там материалов (из №№ 2, 3, 4, 5 и 6) и обращение к общественности с просьбой о поддержке.

Сборники „Надежда” содержат следующие разделы: Предание. Отцы Церкви. Жизнь во Христе. Православное пастырство. Мученики XX века. Русские судьбы. Воспитание детей. Проблемы христианской культуры и др.

В сборниках „Надежда” печатаются как поучения св. отцов Церкви (св. Григория Паламы, св. Симеона Нового богослова, преп. Нила Синайского, св. Исаака Сирианянина и др.), так и наставления православных пастырей прошлого и начала нашего века (еп. Игнатия Брянчанинова, оптинских старцев Варсонофия, Нектария, Никона, прот. Валентина Свенцицкого, о. Александра Шмемана и др.), приводят-ся воспоминания и жизнеописания ссыльных пастырей Русской Церкви (еп. Луки (Войно-Ясенецкого), еп. Серафима (Звездинского), еп. Германа (Ряшенцева) и др.). Очень поучительны и интересны также помещаемые в „Надежде” свидетельства о приходе к вере молодых советских людей, бывших комсомольцев.

Отметим что в 6-м, 7-м и 8-м выпусках „Надежда” продолжает публикацию уникальных самиздатских материалов, связанных со знаменитой Оптиной пустыней. В вып. 6 помещены Беседы старца Варсонофия, в вып. 7 публикуется материал о старце Севастиане, в вып. 8 дается жизнеописание иеромонаха Никона (Беляева). В том же 8-м выпуске опубликована статья писателя Феликса Светлова „Оптина пустынь — сегодня”, дающая материал для осмысления целого круга проблем, важных для формирования православного сознания в наше время. Новая жизнь Оптиной пустыни, пробиваясь сквозь развалины некогда славной обители, подтверждает неистребимость истинной православной духовности. Последние оптинские старцы Севастиан и Никон, отправленные из Оптиной в лагеря и ссылки, но продолжавшие свой старческий подвиг до самой смерти, — свидетели новой жизни Оптиной пустыни в сегодняшней России.

Таким образом, диапазон материалов, помещаемых в сборниках „Надежда”, очень широк и, в сущности, каждый человек может найти в нем для себя нужное и поучительное.

Нельзя обойти молчанием и те колоссальные трудности, которые преодолевают каждодневно люди, работающие над этим сборником в России. Эти трудности хотя, казалось бы, общеизвестны, но тем не менее не все о них помнят. Поэтому хотелось бы подчеркнуть, что каждый может участвовать в поддержке этого религиозного движения, будь то в виде подписки на эти сборники, будь то оказывая помощь в бесплатной пересылке их в Россию, т. е. присылая пожертвования.

Условия подписки

За три выпуска (в каждом около 400 стр.):

непосредственно в издательстве	н. м. 60. —
через представителей	н. м. 72. —
с целью поддержки	н. м. 100. —
Цена отдельного выпуска:	н. м. 24. —

Possev Verlag, Flurscheideweg 15,
D—6230 Frankfurt am Main 80

Postcheckkonto Frankfurt am Main. Nr. 33461—608.

Из-за границы оплату проще всего производить чеком (по курсу дня).

ПОДДЕРЖИТЕ „НАДЕЖДУ”!

Разные самиздатские журналы выходят сегодня в России: правозащитные, политические, литературно-художественные. Много и независимых от властей изданий с религиозным уклоном: например, выходящие в Ленинграде журналы „37” и „Мария” (назван так в честь Божьей Матери); в Москве-Ленинграде выходил журнал молодежного Христианского семинара, называвшийся „Община” (сейчас оба его редактора — Владимир Пореш и Александр Огородников брошены в лагерь). Но появившийся в 1977 году православный самиздатский журнал „Надежда. Христианское чтение” — явление совершенно исключительное в этом ряду.

Журнал носит подзаголовок „Христианское чтение”, подобно выпускавшимся с 1821 по 1917 годы в России журналам под таким же общим названием.

Их дальнейшему выходу помешала большевистская революция и последовавший за ней террор против Церкви и русской национальной культуры. И вот, 60 лет спустя, в 1977 году в России нашлись люди, уверенные, что русское сознание нуждается „в слове Божьем для воскресения из мертвых”. Они в труднейших условиях собирают материалы, часто — уникальные свидетельства и документы, перепечатывают сборник на пишущих машинках, — и все это под угрозой преследований. Ведь сколько подобных энтузиастов, высокодуховных людей, сидят сейчас за свою религиозную деятельность в лагерях...

Но не только тяжелыми условиями работы составителей отличается „Надежда” от своего дореволюционного предшественника. Она отличается прежде всего задачей. До революции „Христианское чтение” было одним из множества религиозных изданий, духовно окормливавших паству, не говоря уже о том, что по всей России чуть ли не в каждой деревушке была своя церковь, свой священник. Теперь же журнал „Надежда” подобен маяку в сплошной темноте, маяку единственному, и поэтому он призван концентрировать в себе такой яркий свет, чтобы даже один случайно уловленный кем-то лучик мог зажечь в душе человека спасительный и освобождающий огонь веры.

Как пишут составители „Надежды”, журнал адресован „человеку, пережившему или переживающему безверие, насаждаемое в его душе с детства и сопровождающее его всю сознательную жизнь. Поэтому Христианское чтение сегодня это — особая словесность, особая культура, которая никак не ограничивается одним видом христианской проповеди: будь то святоотеческая литература, пастырские наставле-

ния, жития святых и праведников, молитвенное творчество и т. д. Христианское чтение в том виде, в каком оно представлено в „Надежде”, несет в себе в некотором роде задачи универсального характера, ибо дает духовное знание о Боге и человеке в различных видах существования с л о в а, призванного самим Богом—Словом свидетельствовать о Боге как о Реальности и о жизни человека, постигающего Бога как Реальность. Так, Христианское чтение вмещает в себя чрезвычайно много. Таким чтением служат и свидетельства о жизни во Христе, и наставления в вере и молитвенной жизни, и философия, и богословие, и поэзия, и проза. Христианское чтение адресовано всем, ищущим надежду на спасение, на какой бы ступени духовной жизни ни находились жаждущие этой надежды”.

Очень много необходимого для себя найдут в „Надежде” и читатели в эмиграции, прежде всего они явственно ощутят тот духовный накал, с которым в сегодняшней России идут поиски Истины. Ощутят, какими трудными и неисповедимыми путями вера покоряет сердца людей, еще недавно самоуверенных и гордых в своем рационализме и безбожии, или падших в безволии и отчаянии.

Вот отрывок из письма, присланного из России:

„Надежда здесь нарасхват, ее читают, записываются в очередь, переписывают, это живая, действенная проповедь Христа, проповедь спасения, научение спасению, она способствует вере, ведет к Крещению. „Надежду” просят священники в приходы, ее умоляют достать. Книг очень мало, я сама чудом достала несколько экземпляров, которые раздала. Прошу Вас: шлите в Россию „Надежду”, она здесь остро необходима”.

Редакция журнала „Надежда” находится в Москве, а на Западе, с благословения архиепископа Антония Женевского и Западно-Европейского, журнал переиздается типографским способом в издательстве „Посев”; оно же обеспечивает переправку части тиража в Россию. Уже отпечатано 6 номеров, 7-й и 8-й в подготовке. Среди прочего в них ждут выхода в свет уникальные материалы об Оптиной пустыни, о ее духовных возглавителях и ее истории в период советской власти до наших дней.

„Православное Дело” оказывает поддержку „Посеву” в расходах по изданию „Надежды”. Но, несмотря на сочувственное отношение русской эмиграции, издательство до сих пор не имеет количества подписчиков, достаточного для окупаемости журнала. Сотрудники „Посева”, „Православного Дела”, духовенство Германской епархии прилагают много усилий для поиска подписчиков на „Надежду”. Но, очевидно, без помощи всей православной эмиграции этой проблемы не решить. Сейчас, из-за недостатка средств, издание „Надежды” под угрозой закрытия. Стыдно будет нам, русской эмиграции, если эта, в общем не такая уж сложная по нашим масштабам, задача окажется нам не по плечу.

Будем ли мы, как многие из нас, произносить громкие слова о православии и России, не делая ничего конкретного и лишь завидуя активности других вероисповеданий и различных сект у нас на родине, или же мы найдем возможности обеспечить издание и переправку в Россию этого столь нужного там православного журнала?

Слово за нами, и от нас его ждут православные в России.

Сотрудники изд-ва „Посев”

ОТ УЧАСТНИКОВ РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Мы призываем русскую эмиграцию и христианскую общественность Запада поддержать (поиском подписчиков и пожертвованиями) издание православного самиздатского сборника „Надежда”, столь важного для развивающегося в сегодняшней России процесса религиозного возрождения.

Галина Григорьева (Ленинград, клуб „Мария”)

Наталия Воронина (Москва, клуб „Мария”)

Наталия Лазарева (Ленинград, клуб „Мария”)

Юлия Вознесенская (Франкфурт-на-Майне)

Татьяна Горичева (Париж)

Анатолий Левитин-Краснов (Люцерн)

С. И. Фудель

У СТЕН ЦЕРКВИ

Материалы и воспоминания

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это и воспоминания, и размышления.

Жизнь определенно кончается, а в душе еще много невысказанного. Вспоминаются слова:

Мы вериги несем на теле
Нерассказанных этих лет

Сил на что-то цельное и большое у меня совсем нет, а поэтому решил записать то, что успею, в надежде, что и это может кому-нибудь пригодиться.

Совсем особенное чувство нетленной жизни испытывает человек, когда сознает себя стоящим около действительной святости Церкви. Это длится недолго, а человек в эти минуты еще не знает наверное, — находится ли он сам в этой Святости, т. е. в Святой

Сергей Иосифович Фудель скончался в 1977 г. Его рукопись закончена, очевидно (судя по анализу текста), в конце 60-х годов.

Церкви, на какой-то блаженный миг он чувствует, что стоит около ее пречистых стен.

Ибо наше бытие в Церкви — это не право наше, а всегда Чудо и Нечаянная Радость.

*

Церковь есть тайна преодоления одиночества. Это преодоление должно ощущаться совершенно реально, так что, когда ты стоишь в храме, то тогда только истинно приходишь к стенам Церкви Божией, когда луч любви робко, но и внятно начал растапливать лед одиночества, и ты уже не замечаешь того, что только что воздвигало вокруг тебя колючую проволоку: ни неверия священника, воображаемого тобой только или действительного, ни злости "уставных старух", ни дикарского любопытства двух случайно зашедших парней, ни коммерческих переговоров за свечным ящиком. Через все это ты идешь к слепой душе людей, к человеку, который, может быть, через минуту услышит лучше, чем ты, яснее, чем ты, — голос Человека и Бога: Иисуса Христа.

*

Ощущение Церкви, как общечеловеческой реальности, дается иногда совсем неожиданно.

Я еду в метро, стою и вижу: сидящая женщина держит на руках девочку лет двух, а она, через спину матери и вне ее ведения, тянется крошечной рукой в синей вышитой рукавике к тормозному рычагу: вот-вот и дотянется. И тут же я заметил, что вместе со мною на все это глядит мой сосед: еще молодой, хорошо одетый, обычный москвич. Наши взгляды

встретились, и вдруг мы оба радостно улыбнулись: нас охватило обоим единое чувство общечеловеческого чистейшего сокровища, спрятанного в синей рукавичке. За рычагом какие-то чужие силы, какой-то холод познания "добра и зла", а здесь — тепло и непостижимая, себя не сознающая, безгрешная власть детской души. Мы с этим человеком улыбнулись друг другу не как чужие, а как люди единого и того же, на миг, теплого чистого сердца. А это и есть Церковь.

*

Старец архимандрит Серафим (Батюгов) провел в затворе — не в монастыре, а в миру — примерно 12 лет, главным образом в Загорске, где и умер 19 февраля 1942 г. В затвор он ушел по послушанию. Он был в Дивееве у блаженной Марьи Ивановны, рассказывал ей о своей работе на приходе (в церкви Кира и Иоанна в Москве), работе, очень его вдохновляющей, а она его прервала и говорит: "Иди в затвор". Он еще раз попытался привести какие-то разумные доводы против такого решения, но она в третий раз сказала ему то же самое.

"И тогда, — рассказывал он мне, — я ей сказал: "благословите, матушка". В затворе он пробыл до самой своей смерти. Так простая, так сказать, женщина, не имевшая никаких иерархических прав, имевшая только личную святость, решила судьбу архимандрита. Обычные нормы отношений, наблюдаемые на поверхности Церкви, как-то изменяются в ее глубине. Епископы, духовные дети простого иеромонаха, о. Алексея Зосимовского, помню, кланялись ему в ноги при свидании. У праведников иные законы.

Старец Серафим рассказывал мне как-то еще один случай из его практики, говорящий о том же. Главным по сану в его храме был одно время епископ. Однажды возник спор по важному духовному вопросу. С мнением о. Серафима епископ был несогласен, и о. Серафим находился в большом смущении, не зная, как поступить. Это продолжалось до тех пор, пока это его мнение не подтвердил о. Нектарий Оптинский, и тогда о. Серафим, как настоятель, поступил вопреки мнению епископа. Слово простого Оптинского иеромонаха решило вопрос. В иерархическом культе Рима это было бы немыслимо.

Помню серебро длинных волос на плечах о. Серафима, а сам он в синей толстовке и брюках, без подрясника, и этим нарядом смущает, а может быть испытывает меня: "Вот вы так снисходительны, — говорит он, — не обращаете внимания на мой костюм". — "Батюшка, — восклицаю я совершенно искренно, — какое же это может иметь значение?" Он молчит, но я вижу, что он доволен: значит нет преград между его теплой заботой о моей жизни и мной, ничто внешнее этому не мешает.

Около тепла святой души тает лед сердца. Мне трудно в каком-то смысле быть рядом со старцем, и в то же время около него я снова точно в материнском лоне. Может быть, и в лоне младенцы не всегда чувствуют себя уютно. Бесконечность человеческой заботы о всяком, кто к нему подходит, или кто нуждается в духовной помощи, в сочетании с уже не человеческой, но сверхъестественной силой, много духовного зренья, — вот как можно было бы приблизительно определить обаяние всякого истинного старца.

Помню, я переписывал одно его письмо к какой-то духовной дочери, по его поручению, и оно начиналось так: "Чадо мое любимое". Вот он стоит в подрыснике, опоясанный кожаным поясом, в полумантии, — со всеми нами на молитве. Иногда крестит кого-то в пространстве пред собой, — какого-то отсутствующего своего духовного ребенка. Иногда останавливает чтеца и начинает читать сам, но на середине псалма или молитвы вдруг замолкает, так глубоко вздыхая, что дыхание наполняет комнату. И мы молчим и ждем, зная, что его молитва именно сейчас не молчит, но кричит Богу. Или бывало так: он начинал читать молитву обычным голосом, размеренно, "уставно", но вдруг голос срывался, делался напряженным, глаза наполнялись слезами, и так продолжалось иногда несколько минут. Обычная для нас колея уставного молитвенного строя при нем иногда явно нарушалась. С ним могло быть, так сказать, неудобно молиться, так же "неудобно", как неумеющим плавать идти за умеющим в глубокую воду. О. Владимир (Криволуцкий) однажды выразил ему свое смущение и осуждение. Он промолчал и — не изменился. И я думаю, что еще в большем неудобстве мы бы почувствовали себя на апостольском богослужении, когда простые миряне получали откровения, говорили на незнакомых языках, и пророчествовали. Для нас такое богослужение — только предмет исторического интереса, а для святых оно, очевидно, есть реальная возможность. Отец Серафим с большим уважением относился к уставу, считал, что нарушение его по дерзости или небрежности губительно ("вне Устава, — как-то сказал он мне — когда дьявола"), но сам в своем служении входил фактически в какую-то иную эпоху Церкви, которая,

наверно, во многом будет походить на первохристианскую.

*

Молиться без икон трудно. Икона собирает в себе внимание молитвы, как увеличительное стекло собирает рассеянные лучи в одно обжигающее пятно. Икона — учили Отцы — есть утверждение реальности человеческой плоти Христовой, и кто отвергает икону, тот не верит в реальность Боговоплощения, т.е. человеческой природы Богочеловека.

И при всем этом вот какие чувства рождаются в современности. Я ночевал в новом районе Москвы. Из нелепо-громадного окна открывался холодный вид бесконечных новостроек. В комнате икон не было, а хотелось молиться. Я подошел к окну: уж лучше, думаю, опасности марсианского пейзажа смотреть в глаза, а не создавать себе в уголке иллюзии, что ничего не случилось. И вдруг я почувствовал, что молюсь легко и просто, точно и действительно ничего не случилось. Я молился небу, и оно было таким близким, и чувство небесной родины, чувство не-страшности окружающих пространств и еще чувство свободы человека в христианстве — с силой охватило меня.

*

Христианство не умирает при умирании иконы как исторического факта. Догмат об иконе имеет вечный смысл, отразив вечную правду реальности вочеловечивания Бога. Но самих икон может и не быть. Я помню, как люди молились в тюрьме, стоя перед пустой стеной. В тюрьме молиться и трудно, и легко.

Трудно потому, что сначала вся камера уставится тебе в спину, и все, что у многих на уме ("ханжа" или еще что-нибудь), будет на уме у тебя. Легко потому, что когда преодолевается это "назиране", то, правда, будто бы стоишь несколько минут у "врат Царства". В тюрьме "Господь близ есть, при дверех". А насколько это противоречит пока еще установившемуся в веках понятию "православный", стало однажды мне ясно.

Был там в камере старый "белый" офицер, воевавший когда-то на бронепоезде у Врангеля, совсем русский. После одной такой молитвы у пустой стены он спросил: "вы что, сектант?". И стало понятно, что без иконы можно молиться, если ее нет, а вот без смирения, т. е. с осуждением, например, вот этого человека — нельзя.

*

Но икона — святыня, святая память о Боге. Старец Серафим (Батюгов) как-то рассказывал: "Когда я еще служил у Кира и Иоанна, позвала меня одна прихожанка отслужить на дому молебен. Окончив молебен, я взял святую воду и пошел окропить комнаты и вещи. Подошел к какому-то шкафу, она открыла мне для окропления дверцы и вдруг меня охватило необычайное волнение, точно передо мной открылась дверь во что-то святое, священное. Я кроплю, ничего не понимаю, и только радостно трепещу перед чем-то. И вот — можете себе представить! — спустя много времени в этот самый шкаф была поставлена, в связи с закрытием нашего храма, большая икона святых мучеников Кира и Иоанна, и пребывала она там многие трудные годы".

*

Помню я, как в начале 30-х годов закрывали и наш храм на Арбате, там, где теперь "Диетический магазин". Дня за два об этом как-то узналось и я пришел проститься. Храм стоял уже без службы и был пуст. Я ходил и целовал иконы, как живых людей. Я недавно вспомнил об этом, глядя на икону Спасителя, и снова ощутил уход из мира иконы Христовой. Из мира уходит лик Христа, — и в буквальном, и вот в этом, "иконном" смысле. В этом есть нестерпимая скорбь.

*

Святость человека есть его благодатность, наполненность его благодатью Божией. Мы плохо понимаем, что такое благодатность, и потому нет понятия более далекого и загадочного для современной церковности, чем понятие святости. Реальная, т. е. не символическая святость уже давно заменяется в церкви ее словесными знаками — титулами. Это один из признаков отвердения христианства в истории: Церковь болеет и на Востоке, и на Западе тяжелой и давней болезнью обмирщения. И в то же самое время мы знаем, что, несмотря на эту болезнь, Церковь живет, как Святая. Святость ее не только в святыне таинств, но и в реальной святости ее, может быть, неведомых миру праведников, в любящей вере простых сердец. О. Николай Голубцов настойчиво говорил: "Записывайте все, что знаете, о современных святых".

Солоухин ищет "черные доски" икон, чтобы под чернотой открыть красоту. Мы ничего специ-

ально не ищем, но Бог посылает встречи с живыми иконами: людьми Божиими.

*

Болезнь Церкви во всех нас. Когда искренно осознаешь себя самого в этой больной части церковного общества, тогда не боишься, вслед за Великими Отцами Церкви, признать самый факт болезни, и в то же самое время почему-то только тогда начинаешь в радости сердца ощущать непобедимую церковную Святыню.

Митрополит Антоний (Блум) говорит: "У Церкви есть аспект славный и аспект трагический. Убогий аспект Церкви — это каждый из нас... Мы уже в Церкви и мы еще на пути к ней". (Ж. М. П., 1967, № 9).

*

Одна женщина решила покончить с собой, и когда с этой целью пошла в лес, увидела сидящего на пне старичка. "А ведь ты нехорошо задумала", — сказал он, когда она проходила. Пораженная, она вошла в разговор, уже как бы забывая о том, с какой целью она сюда пришла. И разговор кончился тем, что старичок сказал: "Иди в Церковь, к отцу Алексею Мечеву и скажи, что тебя к нему послал убогий Серафим".

О. Алексея я увидел впервые, кажется, в начале 1918 года. Это было многолюдное собрание московских священников, которые, как мне казалось, были все совершенно одинаковые. И вдруг я сразу спросил своего отца: "А это кто?" Я увидел малень-

кую фигуру, быструю походку и такие веселые и всевидящие глаза. "Это замечательный священник, это наш духовник" — ответил мне отец.

Преподобного Серафима видел в лесу под Москвой — (в Лобне) и отец Серафим (Батюгов), в 20-х годах.

*

Отец Сергей (Успенский) (от "Неопалимой Купины") говорил мне в 34—35 году в Вологде об аскетическом периоде своего брака как о периоде его полного расцвета и завершения: на земле брачного воздержания открылась глубина дружбы между ним и женой. В первохристианстве такие браки были часты, но они не умирали и в эпоху внешнего благополучия и внутреннего оскудения Церкви. В 30-х годах XIX века о них, как о существующих в России, говорит в своих письмах Георгий Затворник Задонский, бывший духовным руководителем многих девушек и женщин образцового круга. Существуют ли такие браки в наши дни? О. Серафим (Батюгов) говорил, что на этот великий подвиг можно идти только по особому благословению старца, т. е. истинно-духовного руководителя.

*

Под Воронежем недавно умерла слепая манатейная монахиня Смарагда. Она — я знаю — совершала ежедневно по несколько тысяч молитв Иисусовых. Но не об этом, и не о прозорливости ее я хочу рассказать.

В городке, где жила Смарагда, ходила нищая,

или, как там говорили, "побирушка", молодая гулящая женщина. Смарагда, жившая в небольшой келье еще с одной монахиней, приютила ее у себя. Она прожила у них года два и, оставив им вшей и беспорядок, ушла. Через сколько-то времени обе монахини идут по площади и видят, что гуляка, опять, очевидно, в полном безденежье и бездомье, сидит на земле с новорожденным младенцем. И вот Смарагда, наверно вздохнув о тишине и чистоте своей кельи, говорит другой монахине: "Дашка, иль мы не христиане! Ведь надо ее опять брать!" И ее взяли, конечно, с ребенком.

*

Метро в Москве начали строить в 30-х годах. В 1936 году о. Михаил Шик сказал мне: "Молитесь везде. Какая будет радость, когда вы, например, в метро почувствуете, что "небо отверсто", что нет преград для молитвы".

Из этих слов можно заключить, что уже тогда Московское метро было освящено молитвой о. Михаила. Четки в его комнате висели поверх фотографии его умершей сестры. В том же, кажется, 36-м году он и погиб. (В 38-м.)

Из его разговора о молитве еще я помню, как он говорил: не надо думать, что для непрестанной молитвы годится только молитва Иисусова. Апостол Павел сказал: "*Всяким* молением и прошением молитесь на всякое время духом". Об этом же учит и еп. Феофан Затворник.

Один Валаамский иеромонах (Спиридон) учил в лагере так видоизменять молитву Иисусову для на-

шего времени, особо нуждающегося в молении и в заступлении Богородицы: "Иисусе Христе, Сыне Божий, *Богородицею* помилуй нас".

Нас – погибающих.

Из „Надежды” вып. 2, 1979, сс. 214–227. Печатаются несколько первых страниц. Всего Записки С. И. Фуделя занимают 162 с.

У ПРЕПОДОБНОГО ИГУМЕНА
ОБИТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

*„Иже добродетелей подвижник,
яко истинный воин Христа Бога”.
(Тропарь Преп. Сергию, глас 4)*

Приехав в Загорск еще затемно, я поспешал в Лавру к началу Братского молебна в соборе Живоначальных и Пресвятых Троицы. Был тот особенно томительный час перехода долгой зимней ночи к утру, когда кажется, что никогда не рассветет. Фонари горели еще по-ночному. Вот и Лавра: удлиненные, светлого камня плиты под ногой, отвесная, как скала, стена Надвратной церкви. Справа пошли грандиозные очертания Успенского собора, слева — продолговатая громада Трапезного и, как всегда, почти неожиданно предстал взору Троицкий, небольшой и монументальный, напоминающий воинский шлем, поставленный на землю. Мне всегда кажется, что ощущение замкнутости и силы исходит от него, замкнутости наверное потому, что он почти без окон. Это храм-инок. Вот и дверь, ведущая через придел в храм, уже заполненный молящимися. Стоят монахи, учащиеся академии, семинарии... Идет Братский молебен. Мягкий, золотисто-коричневый — от цвета настенных фресок и посвечивающего во всю стену иконостаса — полумрак. Дневной свет проникает сюда позже, сверху, из купольной чаши, как в глубокий колодец. За богатырской колонной, поддерживающей полхрама, невидная от входа, слабо мерцающая в

разноцветных огоньках висячих ладонек, серебряная рака с чудотворными мощами Преподобного Сергия. Она, как средоточие возносимых молитв, обращена в вечность... Звучат мужские голоса: рокочущий гул низких, рассветные ноты высоких. Колеблется золотой рой горящих свечей. Как сурово и отрешенно душе сейчас.

Стоя в молитвенной тишине Сергиева дома, начинаешь ощущать вместилище храма как некоторое внутреннее око его. Целый день вбирая в себя порывы и благоговейный трепет верующих сердец, медленно опустевая к вечеру, и, наконец, оставшись один, он, храм, продолжает жить до утра своей непостижимой жизнью. Сколько здесь надышано русским человеком, кого только ни видели эти стены, вся Россия побывала тут. Шестьсот сорок лет тому назад, внимая голосу своего призвания, — гласу Божию, безвестный юноша, молитвенный светильник, ушел от мира в непроходимую лесную глушь бывшую на этом самом месте, где только дикий зверь мог сыскать его. Мог ли он думать, что положил начало освоению края и движению земледельца на север, что мир буквально обступит его со всех сторон и столетиями будет не закрываться дверь в его храм, что вырастет здесь новый, чудный Китеж-град, нынешняя Лавра, и никогда не оскудеет здесь монашество и благочестие. С малого начал он в срубленной своими руками деревянной церкви, названной в честь Святой Троицы, не по своей воле стал потом управителем корабля душевного притекших к нему братьев, а кончил земную жизнь, создав иночество и десятки монастырей "подобно звездам зажженных от обители Радонежской", основанных его учениками и учениками его учеников. Великий печальник земли русской, он

иссушил и утончил свою плоть, взыска, по слову Елифана Премудрого, "горняго града и вышняго Иерусалима", он превратился в молитву о нас.

И мы вседневно вверяем ему себя: "Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче!"

"Радуйся, трикратным твоим во чреве возгласением родителей и всех слышащих удививый... Радуйся, от сосца матери воздержание чудное в среду и пяток явивый... Радуйся, еще в жизни сподобившийся видети Пресвятую Богородицу со двема Апостолами. Радуйся, удостоивыйся во время совершения Литургии сослужения ангельского. Радуйся, во святую Литургию, в благодати Божией, весь аки во огни стоящий. Радуйся, оным Божественным огнем, в потир вшедшим, причастивыйся. Радуйся, достоин бывший Ангельского собеседования... Видящи вся Россия и иныя страны, данною тебе, преподобне отче Сергие, благодатию Божиею... Радуйся, радости скорбящим и милости с верою у тебя просящим подателю. Радуйся, печалей злых во всяких приключениях отгонителю... Радуйся, хромым хождение и слепым прозрение подаваяй. Радуйся, грозд винный, питающий нас и веселящий... Радуйся, образе истиннаго смирения. Радуйся, зеркало совершеннаго терпения... Радуйся, вся мира сего красная, яко скоро исчезающая, презревай... Радуйся, истребивший страстей мглу душевредную... Радуйся, от юности на тело свое, на мир сей и диавола вооруживыйся...

О чудотворче преславный и заступниче всем нам во всяких бедах и скорбех скорый и пречудный, богомудре Отче Сергие! Нынешнее наше приими приношение, и богоприятным твоим ходатайством умоли Господа сил, силу свыше православным на сопротивныя подати, и нам всем Того благодатию очистив-

шимся от геенны избавиться, и грядущая в небесах благая улучити вопиющим Ему: Аллилуия!”

Настоявшись, хорошо присесть на массивную дубовую скамью у стены притвора. Здесь можно развязать и свою нехитрую котомку с ”сухим пайком”, и перекинуться словцом с соседом-паломником. Незаметно, особенно для приезжих и говеющих, проходят здесь часы и дни. Я видел, как на этой скамье делятся и куском черного хлеба и бесценными крупицами хлеба духовного. Доподлинное и пережитое, соприкасаясь с мучительной жаждой нравственного обновления, с чистотой и наивностью — этими первозданными чертами души народной — порождают самую атмосферу Троицкого собора и Лавры, их неповторимую и своеобразную действительность. Случаи из жизни, истории, притчи, которые здесь можно услышать, ждут своего собирателя, летописца и, думается, поэта — поэта, когда житейские рамки становятся слишком узкими и душными для жизни, для веющего всюду Духа. Горе одного человека и вселенская боль прелагаются обнаженной совестью христианина в чувство своего недостойнства, своей вины перед Богом, перед ближним. И чего только ни открывается тогда душе, и пронзается она и уязвлена бывает до последних оснований великой скорбью своей юдоли, и восхищена в мир иной чудным и непостижимым прикосновением к ней благодати, и неизъяснимые слезы текут из глаз и за одно такое мгновение, за одну такую слезу можно, не раздумывая, пожертвовать всей своей жизнью.

Некоторые приезжают в Лавру и не могут из нее уйти, другие не могут... войти в Лавру: еще по дороге, в поезде, болезнь подымается в душе и восстает в ней вся нечисть и трепещет за себя и запугивает!

Я снова встретил здесь одного своего старого знакомого и вспомнил его давний рассказ о себе: "Я приехал в Лавру, глубоко больной душой и телом. Я помню, впечатления мои были такими болезненными и ядовитыми, и захлестнули мне сердце с такою силой! Раздавленный грузом непоправимых, как мне тогда казалось, ошибок, с прижившимся в душе отчаянием я шел навстречу своей гибели. И вот здесь, в Троицком, подле Преподобного Сергия, началось мое долгое, никому не ведомое и явное выздоровление. Здесь, в тихой молитве, избыл я всю свою боль, здесь обрел утешение душевное и получил благодатную помощь духовную".

Прекрасны в лунную ночь и при ярком свете дня памятники древнего зодчества. Известны десятки описаний Лавры и Троицкого собора и лучше их, пожалуй, уже не опишешь. Неповторимы дела рук прославленных и безымянных иконописцев и мастеров-умельцев. Чем жили они и дышали, что вложили в эти вытканые ими из дерева, железа и камня кружева? Любуясь Лаврой, вспоминаешь слова Достоевского о храме в косых лучах заходящего солнца, которое как мысль Божия, а храм как мысль человеческая... История здесь оживает, идут монахи и, закрыв глаза, мне кажется, я слышу доносящийся сюда из дальнего далека, с поля Куликова, нестройный гул передвиженья невероятных людских масс. Войско, чуть ли не равное Наполеонову, привел Мамай в русские пределы. Историк говорит, что смятение охватило князей наших, увидевших терявшиеся в утреннем тумане тьмы татарских полчищ. Земля дышала и ходила ходуном от топота татарской конницы, пыль закрыла небо. И только непреклонная, непоколебимая уверенность в победе святого старца

Сергия, передавшаяся и дружинам и великому князю Дмитрию Ивановичу, поддержала их в этом великом смятении. Все знают, что было потом. И знакомый мой и поле Куликово пришли на память сейчас, ибо Преподобный и богоносный отец наш Сергий, игумен Радонежский и чудотворец всея России, приходит на помощь одному человеку и целому народу, вчера и сегодня.

Если Лавра — сердце русского православия, то Троицкий собор, конечно, сердце Лавры. Никогда не гаснет лампада Сергия, и каждое утро, после Братского молебна, от нее возжигают очаги здешних трапезных, а елеем Сергиева светильника освящают масло для лампад, которые потом загораются.

Совсем особое место в рассказах о преподобном Сергии занимают его доброта и милость. Один из недавних высоких гостей Лавры, человек-камень, никогда, по его признанию, не плакавший, заплакал как дитя, приблизившись к Сергию: "Он растопил мое ледяное сердце!". Из дальних краев приехал в Лавру юноша. С великой завистью глядел он на молодого священника, служившего у серебряного ковчега раки Преподобного, и воззвал к нему из глубины сердечной: "О, сделай, Отче, чтобы я когда-нибудь служил вблизи тебя". — Прошло несколько лет, — рассказывает он, — и вот недавно, после рукоположения в иереи, я только поднялся на ступеньку раки для начала молебна, как вспомнил о своей вожденной мечте, ставшей в эту минуту явью.

А вот и нечто вроде легенды, с той лишь разницей, что рассказчица уверена, что все это было с нею в действительности. Пришла как-то сюда одна старушка, принесла холстинковую накидку (сама ткала), и протягивает ее послушнику — в дар, значит,

преподобному. А послушник будто не взял: и так, мол, отбою нет от шерстяных и шелковых! Пошла старая, идет и плачет. А навстречу ей монах, да чудной какой-то, лица не видать... — Давай, — говорит, — передам. Отдала, да обернулась невзначай, а кругом — никого! Ладно. К празднику пришла на службу, как всегда, приложиться к дорогим мощам: сначала к изножию, а потом и к изголовью, и видит — на лице у Сергия — ее накидочка. Смешной и наивной покажется иным эта присказка, а мне тут чудится чистое золото простой души.

О женщинах можно рассказывать бесконечно. О, чуткое сердце матери, жены, сестры? Здесь, в Лавре, глядя на непросыхающие глаза иной Евдокии или Настасьи, можно принять ее за великую грешницу, какой она себя, разумеется, и считает. Покаяние, то сосредоточенно-углубленное, сокрытое и неизбывное, то детски-простодушное, написанное на лице, в очах, сверкающих искренней слезой, — как много оно может! И ведь никаких таких страшных грехов нет у нее на совести, но одно жесткое слово, одно незаконное движение души, обида, нанесенная матери быть может в далеком детстве, обманутые надежды дорогого человека — все это, ожившее нынче, сжимает ей сердце и сокрушает его, и по щекам ее текут горячие слезы, спасительные слезы. И обо мне она плачет, и о тебе, все пронизающий, насмешливый человек, и весь мир она просит простить ее. Поистине,

„Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...”

А какие лица здесь можно иногда увидеть. Шла последняя неделя Великого Поста. За полдень я был

на паперти у Преподобного, когда среди множества просящих тут увидел лицо... То были лишь одни глаза на опавшем, с выражением счастливого изнеможения, лице. Даже не глаза, а два светло-синих блика. Можно пройти полмира и не встретить такого взгляда. Здесь все сгорело в чистом пламени благодатной молитвы, осталось только духовное. Это была красота, не знающее о себе сокровище мира, неоцененный его бриллиант, мимо которого пройдет иной одинокий и достойный молодой человек, пройдет и, увы, никогда не узнает об этом.

Здесь же я вижу себя, разговаривающим со странствующей монахиней Евфалией. Ей девяносто один год. Она рассказывает, как просила Преподобного Сергия вернуть ей зрение — четыре года вокруг нее была ночь. Врачи не верили в успех операции, однако же нашелся такой, который вернул ей один глаз, и сейчас она смотрит на меня этим чистым, родниковой воды, смеющимся глазом. Она непохожа на старушку — светлое, веселое лицо дитяти девяносто одного года в черненькой вытертого бархата скуфейке.

Один человек увидел впервые Лавру во сне и услышал кем-то четко и властно произнесенное слово "Загорск". Наведя справки, он убедился в существовании такого города, а приехав в него, увидел "и древних башен каменную сагу, и полный музыки вечерний небосклон". Но и не приехав в Лавру, люди знают о ней, вдали от нее живут ею в воспоминаниях, в расспросах, передают с паломниками и приезжими гостинцы и посылки с материнской заботой о монашествующих. Эти узелки, эти крестьянские в горошек и крестик косыночки, в которых чего только ни завязано, эта забота о ходатаях своих и молитвенных заступниках! Сбылись слова Пречистой Богоро-

дицы, сказанные Преподобному Сергию: "Услышана молитва твоя о учениках твоих и об обители твоей, не скорби более, ибо отныне она всем будет изобилывать...". И другие слова небесного голоса: "Сергий! Ты молишься о своих чадах... Господь принял твою молитву — смотри, какое множество иноков сошлось во имя Святыя и Живоначальныя Троицы в твою паству и под твое руководство".

Сюда не только стекаются паломники, но и слетаются птицы. Своеобразные взрывы птичьего гомона, особенно ранней весной, удивительно соседствуют с царящей тишиной и, мы бы сказали, не нарушают ее, — так измученный человек засыпает под неумолчный шум водопада. Особенность здешних пернатых, бросающаяся в глаза, — их небоязнь человека. По всей Лавре [пропуск] гулкие и мерные удары — это недавно обосновавшийся [пропуск] дятел сосредоточенно и упорно долбит сухую кору огромной старой березы. Вон сел снегирь, щегольнув своим опереньем. Внимательно смотрит, скособочив головку на неожиданного пришельца, любопытная галка, и все птичьи посвисты и разговоры покрывает громогласное воронье. Здесь больше, чем в Москве, чувствуется Север. Стоят долгие сиреневые сумерки. Звонят к вечерне, и площади, и улочки Лавры пустеют. Поздним вечером, когда служба оканчивается, они ненадолго оживают. И снова стоит тишина, нарушаемая лишь боем часов на высокой колокольне. Гаснет постепенно электричество в окнах келий, и только тихий свет настенных храмовых лампад разливается над Лаврой. Затихает жизнь до утра, но не прекращается молитва: "Преподобне отче наш Сергие, моли Бога о нас".

Из „Надежды” вып. 3, 1979, сс. 277–285.

...И ЭТОТ ПУТЬ ПРЕДАН НАМ ОТ ОТЦОВ

Это — богословский дневник нашего современника. Размышления и выписки его свидетельствуют о духовных поисках автора. Он найден в одном из частных архивов. Как он туда попал, нам неизвестно. Возможно, автор дал читать его своему духовнику или кому-нибудь из близких. Непостижимыми для нас путями движутся к нам друг от друга свидетельства духовной жизни наших соотечественников, открывающих для себя Бога и Отцов Церкви. Автор дневника пожелал остаться безымянным. — Сост.

Если увидишь человека, творящего неправду, смотри не подумай, что он делает это по своей злобе. Он обманут и злоба эта не его. И ты, если почувствуешь злобу или хоть раздражение к такому человеку, тоже обманут. За что же Господь попускает бесам нас обманывать? За то, что мы не верим правде. Все злые дела, которые творят люди, не иное что, как знамение их неверия правде и наказание за это неправдой. Почему же мы не верим правде? Потому что дела наши злы и правда их злобу обличает. Итак, получается круг: мы не верим правде, потому что она обличает наши дела, и за неверие попадаем во власть лжи, которая умножает злые дела. Злые дела — грехи — лежат бременем на всякой душе и не

дают ей поднять глаза к свету правды. И, чтобы помочь выйти человеку из этого погибельного круга, надо прежде всего снять с него бремя грехов. Но как? Через прощение. Что же такое прощение? Прощение есть мысленное отделение духа злобы от души, над которой он взял власть, т.е. мысленное очищение грешника от греха. Вот смысл слов священника „и аз недостойный иерей властью, мне данною, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих”. Разница между обыкновенным человеком и священником здесь та, что первый имеет власть прощать только те грехи, которые задевают его лично, а второй — все вообще. Итак, если согрешил против тебя брат твой, очисти его мысленно, и вот ты снял с него бремя по благодати Господа нашего Иисуса Христа, ибо мысленное очищение — дело человека, а очищение по самой сущности есть дело благодати. Но однократным прощением человек еще не освобождается от власти лжи полностью. Наоборот, будь готов к еще большему озлоблению, ибо прощением ты уязвил беса, и он будет распалять против тебя человека все больше и больше. Поэтому, получив удар по одной щеке, готовься подставить и другую, иначе уничтожишь всю пользу, которую человек получил от твоего прощения. Помни, начав прощать, ты вступил в борьбу не с человеком, а с духом злобы, но бить он тебя будет руками человека. Это и есть положение души за други своя и есть подражание Кресту Господню. Пострадай за чужие грехи и получишь очищение своих, а если только за свои грехи страдаешь, какая тебе похвала? Впрочем, чужих грехов нет, все свои. И здесь прощение смыкается с покаянием, которое есть самоочищение. Если надо мысленно очищать чужую душу, то тем более

свою. В себе самом надо разделять между душой и злом, в ней поселившимся. Но прощать себя еще труднее, чем прощать других. Почему? Потому что *не то делаешь*. Тщишься разделить по существу, а это дело Божие и для тебя непосильное. Итак, оставь самость, перестань надеяться на свои силы, разделяй *только* мысленно, а существенное представь Богу. Не гневайся на себя, как праведник, а *смирненно исповедуй грехи Богу*, и от Него жди исцеления, а не от своей ревности, которая не по разуму. Помни, *ты и себе не судия*, ибо и сие — гордость. Не укоряй, напоминай о смерти, о суде, *но не суди*. Суд над собой производит двойное зло: во-первых, оскорбляет Бога, ибо душа — Его собственность, а не твоя, и, во-вторых, полагает вражду между душой и умом, так что душа, вместо того, чтобы довериться уму и искать у него помощи против мучающих ее страстей, начинает бояться его, как судьи, и скрывает от него страсти. (Образ сего есть отношения мужа и жены.) Итак, для успеха покаяния ум должен обращаться с душой любовно, доверительно и терпеливо; тогда будет у них мир, душа откроет уму свои язвы, а ум принесет это исповедание Богу. И Бог исцелит душу, и душа покорится уму. И тогда душа начнет зачинать и рождать добродетель и благие помыслы, которые привлекут на нее благословение Божие, а ум наградится от Бога дарами Духа Святого. Слава силе Твоей и благодати и премудрости, Господи, и да сотвориши сие на нас.

Помни всегда обличение, которое Господь произнес на фарисеев, и не думай, что оно не тебя касается. Всякое духовное дело, слово и помышление, подобно дереву, растущему из своего семени, и как семя скрыто в земле, так и основание всякого духовного дела скрыто в сердце. Познается же оно по плоду. Семя Божие суть смирение, и все, что из него произрастает, приносит плод, угодный Богу. Всякое же иное семя прорастает фарисейством и приносит плод погибельный, как сказал Господь: „Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится”. Смирение есть зерно горчичное, которое меньше всех семян, а вырастает выше всех зелий. Итак, смотри, ты заглушил в себе семя смирения; что же растет на поле твоём? Фарисейство.

Помни, у страстного человека первая реакция всегда страстная, поэтому никогда не поступай по первому побуждению. Если же ты притом и своеволен, знай, что и после одной молитвы ты еще действуешь по страсти. Надо помолиться несколько раз и тогда уже совершить поступок или выразить мысль. Если переходишь от одной мысли к другой, опять помолись несколько раз. Дай, Господи, исполнить. Дай, Господи, исполнить. Дай, Господи, исполнить.

Не могу сего исполнить. Тогда не думай, по крайней мере, что делаешь что-либо угодное Богу. Волю диавола творишь. Но подумай, как мало от тебя требуется; неужели даже ради собственного спасения не можешь сделать такую малость? Лучше тебе не сделать дела, чем сделать без молитвы.

Почему пост есть служение Богу? Потому что постящийся творит правду. Если душа не получает благодати до сытости, потому что недостойна, хорошо ли насыщать тело? Сытая плоть презирует голодную душу и не желает ей служить. А по правде должно быть так: тело служит душе, пока душа не насытится, а потом может насыщаться само, но лишь в той мере, в какой послужило душе. Как же этого добиться? Ум имеет жену — душу, а душа имеет служанку — тело. Ум оставил душу и соблудил с телом, и теперь печется о теле более, чем о душе. Дети этого беззакония — телесные страсти. Душа же ожесточилась. Итак, надо оставить излишнее попечение о теле и примириться с душой. Пока не сделаешь первого, не сможешь получить второе. Поучись сему у Авраама: как он изгнал, в угоду Сарре, Агарь с Измаилом в пустыню, но Господь не оставил их умереть. Обращайся с телом строго (но не безжалостно) и будет мир в твоём доме. Тело исправляется строгостью, а душа — милостью, ты же поступаешь как раз наоборот. Господи, исцели ум от блудной страсти!

Грешник, который надеется на исправление, суть грешник не по естеству, а по обстоятельствам. Истинное покаяние состоит по-видимому, в том, чтобы сознавать себя грешником по самому естеству и не мечтать об исправлении, а уповать только на милость Божию. Помни: праведники живут на небе, а земля есть земля грешников. Зачем же стараться исполнять заповеди? Затем, что только делатель заповедей может понять, что человек грешен безнадежно. Потому и сказал Господь, что кто душу свою не возненавидит, не может быть Его учеником. Как же совместить ненависть и любовь к одной душе? Ум прилепился к телу и оставил душу, душа же ожесточилась и стала прелюбодействовать с бесами; и стала рождать злые помыслы и душевные страсти, которые восстают на ум и мучают его. Пока ум не презрит тела, он ничего этого не знает. А когда презрит и обратится к душе, найдет ее блудницей, окруженной злыми чадами, и возненавидит и ее и чад; и вступит с ними в борьбу, и будет побежден; и смирится, и сознает, что всем виновник он сам, и покается; и простит душу и примирится с ней; и возьмет крест свой и будет нести, пока душа не покается; и душа прилепится к уму и возненавидит злых чад своих, и изгонит их; и оставлена будет вина ее, и грех ее не помянется к тому; и приидет на них благословение Божие и родят чада добра. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Если хочешь научиться терпению, смирению и кротости (а именно это тебе и велено), перестань ждать спасения и начни ожидать смерти. Сей путь кратчайший.

Как относиться к нецерковным христианам? Когда Иоанн сказал Господу, что они видели человека, который именем Его изгоняет бесов, и запретили ему, потому что не ходит с ними, что сказал Господь? „Не браните (не возбраняйте, не запрещайте. — Р е д .) ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня”. А потом добавил: „Ибо, кто не против вас, тот за вас”. Итак, если человек называет себя христианином и не говорит против Церкви, но в Церковь не ходит, не препятствуй ему оставаться в том, в чем он есть, но объясни, что кто не ходит в Церковь, тот не призывается и на Тайную Вечерю, так как не ходит вслед апостолов.

Господь сказал: „Когда хочешь помолиться, войди в клеть твою, запри двери и говори: Отче наш...” (и далее). Почему же „наш”? Потому что эта молитва есть молитва согласия ума и души. Только когда ум и душа примирятся совершенно, ум сможет войти в сердце — внутреннюю клеть души, и молитва Господня будет свидетельствовать о внутреннем мире и любви и будет приятна Богу. Где

сии двое или трое соберутся во имя Господа Иисуса, там и Он будет посреди их. И все это в сердце.

Отчего бывает сонливость во время молитвы и полезного душе чтения? Ум скучает. Отчего? Оттого, что душа не внимает. Что же делать? Во-первых, терпеть и не раздражаться, во-вторых, развлечь душу каким-нибудь рассуждением и постараться найти в ней самой повод к молитве или чтению. Но для этого надо, чтобы ум привыкал делать все не для своего просвещения, которого он жаждет, а на пользу душе. То есть ум, если он поистине хочет стяжать Духа Святого, должен стать на путь самоотречения и служения душе. Сей есть дух Христов, и о нем нужно молить Господа: „Господи, научи меня служить душе!” Уму свойственно простираться вверх, ибо он есть духовный огонь, но надо возжегать его так, чтобы он горел не беспорядочными и бесполезными мечтаниями, а был бы светильником для души и вместе согревал бы ее своей теплотой, данной ему от Бога. Помни, служение душе есть послушание, данное тебе Самим Богом, и только этого Он от тебя требует. Все, что не есть служение душе, суть преслушание, оскорбляющее Бога. Образ сего есть служение семье. Не мечтай, а будь внимателен к пожеланиям души; благие и средние выполняй, а о злых терпеливо вразумляй. Смотри, не перепутай душу с телом и не прими пожелания тела за пожелания души. Научись сему из отношений к жене.

Итак, ум должен всегда находиться при душе, т.е. внутри, всякий раз, как ум отходит от души и простирается вовне, она оскорбляется таким небрежением и становится легкой добычей бесов. Поэтому надо отучиться от опрометчивости, ибо бесы, пользуясь опрометчивостью ума, отвлекают его, выставляя необходимость немедленного решения каких-то вопросов. Научись замедлять свою реакцию, хотя бы от этого могло пострадать какое-нибудь дело, потому что мир души выше всего. „Что пользы человеку, если он весь мир приобретает, душу же свою отщетит?“ Впрочем, если помедлишь немного ради послушания Богу, в надежде на Его помощь, не будешь посрамлен и во внешнем.

Помни, ум не войдет в сердце, пока не стяжает полного доверия души, а для этого нужно совершенно оставить всякое самолюбие и стать слугой, как сказано: „иже аще хочет в вас вящший (большой) быти, да будет вам слуга“. Также ничего не твори без совета с душой, чтобы потом не упрекала тебя совесть. Ибо совесть, как мне кажется, и есть совет ума и души. Когда они сотворят что-нибудь худое без совета друг с другом, то после друг друга укоряют. А в совете, если бы даже по неведению и что худое сотворили, мир не нарушится, а Господь простит и исправит.

Господь Иисус Христос пришел тогда, когда мера беззакония Израиля исполнилась и его ожидала участь Содома. Господь пришел и спас всех, кто Ему поверил. Пришел же он по молитвам пророка Иоанна, ибо как Илия отверз молитвой небо для дождя, так Иоанн — для благодати Божией. Посему и сказал о нем Господь, что не было пророка большего Иоанна. Такая была у него любовь и такой плач о погибающем народе, такая жажда спасения, что Бог сказал ему: „Иди, приготовь народ покаянием. Во время твое Я пошлю обетованного Мессию”. Но как Моисей только издали видел землю обетованную, но не вошел в нее; так и Иоанн пострадал прежде Креста Господня, открывшего спасение миру, чтобы и умерших приготовить к пришествию Спасителя, и встречал Господа в сонме пророков. Потому и сказал о нем Господь, что меньший в Царствии Небесном болей его есть, что первый насельник Царствия — разбойник — не видел ада, а Иоанн сошел во ад. Ответ Господа на сомнения Иоанна можно понять так: если бы Я не брал на Себя грехи всех ищущих у Меня исцеления, то не мог бы их и исцелить; потому блажен, кто не соблазнится о Мне. Кто убил Иоанна? Тщеславие (Ирод) и злоба (Иродиада). Итак, тщеславие и злоба убивают покаяние. Святый отче Иоанне, помолись и о мне грешном, да напоит Господь Своею благодатью мою иссохшую душу.

Таинство спасения совершается так. В таинстве Крещения мне, ради крестных заслуг Спасителя, было дано полное отпущение грехов, и тем самым образ Божий был очищен во мне и полностью восстановлен. Но, не имея опыта внутренней жизни, я не мог вполне осознать, что со мной произошло; мои представления о Боге, о себе, о праведности и о грехе оставались крайне туманными, и не умея, как следует, противостоять искушениям врага, я снова впал в прежние грехи и опять осквернил в себе образ Божий. Следующий этап: приобретение опыта внутренней жизни с помощью благодати Божьей, действующей в таинствах покаяния и причащения, а также через храмовое богослужение, домашнюю молитву, чтение Писания, Св. Отцов и вообще духовной литературы. Когда внутреннее зрение начало открываться, я увидел, что все мои беды происходят от несогласия ума и души. Следующий этап состоит в стяжании внутреннего мира, который достигается через смирение и благодатное исправление ума. Когда мир будет достигнут, ум должен принимать деятельное участие в исправлении души. Первый этап этого исправления есть очищение души. Душа должна избавиться от сочувствия страстям, а затем и возненавидеть их. Когда это произойдет, душа примет в себя Духа Святого, который очистит ее совершенно. С этого времени ум становится только свидетелем спасения души, а руководит душой Сам Святой Дух. Цель Его та, чтобы привести душу во образ Матери Божией. И когда сие будет исполнено, в душе совершится таинство Воплощения Христа. Сие есть совершение

спасения души — цель земной жизни христианина и начало блаженной вечности в Царствии Отца, Сына и Святого Духа. Аминь. А затем, если Богу угодно, человек повторяет земной путь Спасителя, даже до Креста, уже не для своего спасения, а для спасения других людей. Вот почему после блаженства миротворцев, которые нарекутся сынами Божиими, Господь говорит о блаженстве изгнанных правды ради, терпящих поношение, изгнание, клевету — в общем все, что претерпел Сам Господь. Итак, смотри сколько впереди дела, и не теряй времени. Сегодня твоя задача — стяжание внутреннего мира. Смирись, трудись, помни о смерти. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Мати Божия, спаси нас, грешных! Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй.

+

Блажени нищие духом — примирение ума с душой.

Блажени плачущии — начало очищения души.

Блажени кротции — душа перестала сочувствовать страстям.

Блажени алчущии и жаждущии правды — душа возненавидела страсти.

Блажени милостивии — Дух Святой сошел в душу.

Блажени чистии сердцем — Дух Святой вообразил в душе Матерь Божию.

Блажени миротворцы — в душе воплотился Христос.

Блажени изгнани правды ради — душа пошла путем Христовым.

Из „Надежды” вып. 4, 1980, сс. 261–294. Здесь печатаются первые 12 стр.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Посвящается крестной

Легче всего в моей „истории обращения” выделить некоторые события, незначительные, но запомнившиеся и, должно быть, сыгравшие свою роль. При этом, разумеется, остаются в стороне тысячи и миллионы событий, крупных и малых, которые остались невидимыми, и которые тоже вели к одной цели — к самому большому чуду, которое может быть с человеком.

Под Новый год я познакомился с одной христианской семьей, бывал три-четыре раза в их доме, причем всякий раз — когда там была большая компания; не скажу, что понял тогда, что христианство — не только обряды, но увидел его *живым*. Вряд ли я тогда мог им особенно заинтересоваться, его заслоняли бесчисленные события и некоторые крупные увлечения. Но уже живое христианство было для меня новостью.

Следующая вешка — середина марта. Началось, собственно, с брошюры А. Черткова о Пасхе. Ее описательная часть, написанная с уверенностью участника и не без вдохновения, впервые, может быть, приоткрыла краешек мира христианских переживаний. Совершенно независимый и противоположный поток мыслей привел тогда же к тому, что несколько дней спустя я не стал писать школьного сочине-

ния (это был конец 10-го класса) на какую-то социалистическую тему и примерно неделю был в не то сомнамбулическом, не то пришибленном состоянии от своего открытия, к которому подобрался от философии, литературы, даже политики. Лучшее всего его передает сделанная чуть позже, когда я уже мог писать, запись в письме:

„... Началось... не со смысла жизни, а с воспитания человека. Бессилие человека самому определить свое место в жизни, до моего возраста, наверняка, — оно, это место, полностью определяется теми, кто его окружают, а когда человек это осознает, он должен сделать выбор — а оснований для выбора, своих собственных открытий у него почти нет. И желание отдать свой комсомольский билет (было такое вчера) возникает не от желания стать честнее, а от того, что понимаешь, что вступил в комсомол не ты, а совсем другой человек, если угодно — марионетка. Согласие с подобным насилием было неизменным, пока я не должен был сделать свой, собственный, самостоятельный, пускай самый маленький, выбор между разными путями жизни, между теми идеями, которым меня учили и которые я узнал сам... Я почувствовал, что я и мое тело — две разные вещи; мое тело казалось другим старше, чем оно есть, потому что оно впитало в себя чужие повадки, привычки, манеры, надолго эта „взрослость” подчиняла и мои мысли — а мысли детские, заносчивые, подчас, путанные, бешеные. Сочинение — это когда в первый раз я сумел в чем-то себя преодолеть; мне казалось, что я должен сбросить с себя эти внешние манеры, мысли — до самоубийства — и я почему-то не смог этого сделать. Вчера я делал то же, что и всегда — без всяких усилий изнутри, а внутри что-

то постоянно заставляло одергивать себя, и смотреть на себя — на тело — снаружи. И я ни в чем не могу найти выхода”.

О каких же новых мыслях я упоминал? Сейчас трудно вспомнить точное направление моих поисков и сомнений, кажется, что я должен был сомневаться во всем. Да направления и не было, было тыканье туда и сюда. Это и этика, и история, и философия, в целом — поиски смысла жизни, которые где-то уперлись в собственную неразвитость и предвзятость. Попытка сбросить груз хотя бы предвзятости — была действительно поразительно сильной, страшной и, казалось, безнадежной. Меня сейчас радует впервые появившееся чувство собственного бессилия, выход из себя.

Попытка была. Постоянно переживать рывок нельзя, его внешне заслонили разные дела: и первая влюбленность, и выпускные экзамены, и неудачные экзамены вступительные. Большое впечатление произвели, наряду с философскими книгами (как „Исповедь”, „Игра в бисер”), некоторые христианские книги, которые я брал у новых знакомых. Воспоминания о марте присохли, как пятнышко свернувшейся крови, которое лучше не отколупывать — новая потечет. По тогдашним стихам заметно было и мне и другим — выжидательное, переходное время временного покоя. Поступил на работу. Восхищала осенняя природа.

Утром еще темно...
Я родился весною,
Чтоб эту весну встретить.

По этому трехстишию вспоминаю, что цепочка от мартовской полоумной недели не прерывалась. Из

внешних событий вспоминаю только: две или три беседы с пожилой хозяйкой моей знакомой семьи. Больше, чем даже прежде, замкнутость. Странное ощущение влюбленности, которая не то кончилась, не то тлеет. Наслаждение природой. Какие-то ученые и литературные упражнения.

Вечер обращения — это именно вечер, несколько часов в начале ноября, еще по-осеннему теплого.

Сидел у стола, что-то писал или читал. Вдруг — резко — опять подумал, о чем думал в марте: о напрасности подделки под труд, о подлости стремления к славе, самовыпячивания. Задавленность вещами. Спокойное напряжение — и отрицание всего, что было, что имел до этого мига, всего, ради чего стоило жить, точнее — это было стремление отрицать. Понял, что все прежние усилия губительны, подлы.

Умереть сейчас
наверно лучше
чем жить — для будущих музеев.

Записав это (подумал: „Не удержался-таки!“), вышел на улицу, сказав что-то насчет „пройтись“. Шестидесят-восемьдесят минут бешеной, без единой мысли, ходьбы — необычно мелким и частым шагом, острота обычного чувства, что ты между двумя половинками гигантской земли и гигантского черного неба, кусочек в бездне. Вернулся уже более спокойным шагом. Вскоре лег. Не задумывался над пришедшим спокойствием, и не могу сказать о вечере, но на следующий день, взявшись за книгу о христианских обрядах, с удивлением обнаружил, что читаю ее изнутри, как христианин. Не просто понимаю, почему это так, но знаю, что это так дей-

ствительно. Дней девять ходил, свыкаясь с этим, все мои знания о православии по-прежнему нисколько не противоречили новому открытию, ощущению (скажу заранее: сколько бы я потом ни узнавал, все понималось и опять-таки не противоречило). Через девять дней через знакомую, о которой я упомянул, написал записку одному священнику:

„То, что я испытал в последние девять-десять дней, я могу назвать своей первой встречей с Богом, пускай она оказалась не такой, как я мог ожидать.

Последние дни я смотрю на все, что меня окружает, глазами верующего — и уже ощущаю себя христианином...

Прошу у Вас совета, возможно — предостережения. Я — не знаю”.

В следующее воскресенье я был у него, через неделю состоялось крещение; несмотря на внутреннюю готовность, физически все это далось тяжело, напоминая евангельские рассказы об изгнании беса из людей. Так оно и было.

Вся моя последующая жизнь вплоть до сегодняшнего дня, какой бы она ни была, это жизнь, определяемая дарованной верой, полностью подчиненная Евангелию. Самонадеянно и лицемерно было бы с моей стороны говорить, что по мне можно судить о христианах истинных, — но и чувство греха дается лишь Святым Духом.

Каждый день духовной жизни приносит новое понимание моего обращения, несколько иное направление его толкования. Все, о чем я рассказал, — это личное и неповторимое, обязательное лишь для меня; чудо, которое могло произойти многими путями и помимо этого, и действительно происходит-таки для других по-иному. С течением времени лишь яснее вы-

ступает независимая и преобладающая внутренняя сущность этого чуда.

„Никто не может назвать Иисуса Господом, кроме как Духом Святым” — сказал Апостол. Для меня не стоял вопрос о действительности благодати; сомнения в высшем, а не земном ее происхождении, прошли быстро, как только я увидел их причину. Вся моя жизнь теперь — это жизнь внутри Церкви; и падения, и беды, и счастье — все это определяется моим отношением к Христу.

Обращение, очевидно, это главное, начало. Это только рождение, а впереди еще вся жизнь. Не знаю, как она сложится: молюсь об укреплении веры и готовности. Прошу, чтобы мне идти не по многим путям зла, а по одному единственному — добра, к высшей цели.

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Лето 1975

МОНАСТЫРЬ В МИРУ

Проповеди и поучения

Беседа третья

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Слово Божие имеет силу перерождать человеческую душу. И тогда все то, что было справа, начинает казаться слева, а все, что было слева, начинает казаться справа. Иной язык, иные понятия, иные чувства у верующего и у неверующего человека. Что хорошо по Божьи, то плохо по мирскому, и наоборот, что хорошо по мирскому, то мерзость пред Господом. И вот, когда упадет семя слова Божия на добрую почву, человек мирской начинает скорбеть, ибо чувствует, как начинает отрываться от обычной мирской жизни, мирских интересов, мирских понятий, но не может найти дороги, по которой можно идти в условиях жизни мирской, в то же время исполняя Заповеди Божьи.

Это создает в его душе как бы некоторый разлад, как бы некое смущение. Он уже потерял вкус к тому, что раньше так манило его в жизни мирской, но и не научился еще вполне отдаться жизни духовной, и спрашивает такой человек: как ему жить? То есть, как ему найти в наших условиях жизни такие пути, которые дали бы ему возможность и в мирской суете жить по Божьи.

Его смущает, что наша жизнь построена совсем

не так, как учил Христос, и что даже невозможно найти приложения к жизни возгоревшейся ревности о жизни во Христе.

Но так было всегда. И в первые века христиане жили среди язычников. И разве христианин, живший при дворе римского императора, где царствовали разврат, честолюбие, зависть и злоба, — разве не был он поставлен пред тем же вопросом, как в условиях жизни мирской сохранять и осуществлять христианское учение?

Здесь открывается первая задача для всякого христианина. Задача внутренняя. Задача нашего внутреннего устройства. Внешняя жизнь может остаться еще неизменной, но это будет уже совсем иной человек. Иное отношение будет к скорби, к неудачам, к болезням, к злобе, к клевете, к славе, иной откроется смысл человеческого бытия.

И потому первое, на что надлежит указать человеку, отрывающемуся от жизни мирской, уже почувствовавшему жизнь Господа, — нужно указать ему те внутренние задачи, которые стоят перед каждым. Когда душа человеческая придет в надлежащий строй, Господь вразумит ее тогда и о внешнем жизненном пути.

Для того, чтобы отдаться жизни духовной, надо иметь внутреннюю решимость отдаться этой жизни окончательно, вполне. Это то самое, что страшит многих, что заставляет их служить двум господам и что является источником многих скорбей. Господь призывает нас не к тому, чтобы мы половину сердца отдали Ему, не к тому, чтобы мы половину души отдали Ему. Он хочет от нас не того, чтобы наполовину только служили Ему. Господь требует, чтобы все сердце наше, всю душу нашу, всю жизнь

отдали Ему. Только при этом Господь обещает все то, что мы так хорошо помним, когда что-либо просим у Господа, и всегда забываем, когда речь идет о наших обязанностях перед Ним.

„Не заботьтесь о завтрашнем дне”, — сказал Господь.

Но тут же прибавил:

„Ищите же прежде Царствия Божьего и правды Его и это все приложится вам”.

Ты хочешь, чтобы Господь одел тебя, как лилию, и питал, как птицу небесную, — так ищи прежде Царствия Божия и тогда все необходимое для твоего земного существования будет дано тебе.

Ты запомнил слова Господа:

„У вас и волосы все сочтены”.

Но не забыл ли другие слова, сказанные тут же:

„Кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедую перед Отцом Моим Небесным”. Но можешь ли ты, желающий такого попечения Божьего о твоей жизни, можешь ли ты по совести сказать, что исповедуешь Господа перед людьми?

Только тот воистину отдает свою жизнь Господу, кто каждый час, каждую минуту своей жизни может сказать: „Да будет воля Твоя”.

Как достигнуть такого состояния духа? Многими трудами достигается оно. Святые подвижники учат, что необходимо, прежде всего, отречение от своей воли. Отсюда краеугольный камень монашества — послушание.

Четвертая ступень Лествицы и раскрывает этот путь. В слове четвертом св. Иоанн говорит: „О блаженном и приснопамятном послушании”.

Что есть послушание?

„Послушание есть совершенное отречение от

своей души, действиями телесными показуемое... Послушание есть ... добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытству, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушай, как мертвый не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимо худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его. Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения”.

Когда мы имеем многое возразить против того, что повелевает духовный отец, нужно отложить все рассуждения, — ибо согласие не есть послушание. Монастырское послушание, или послушание старцу и есть послушание без мотивов, без рассуждений, без возражений.

Конечно, священник-духовник не то же, что старец, но и ему должно оказывать добровольное послушание, поскольку во всякое духовничество входит элемент старчества.

„Начало умерщвления и духовной воли, и членов тела бывает прискорбно; середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби”.

Когда человек вступает на путь послушания, вначале ему трудно подчинять волю свою чужой воле. Отсюда скорбь и смятение духа. В середине пути бывает по-разному. Одни быстро усваивают привычку к послушанию, другие — с трудом, отсюда у одних эта середина проходит без скорби, у других в скорбях. А к концу все люди радостно несут подвиг послушания.

Святой Афанасий Великий называет послушание „добровольным мученичеством”. И мученический путь в начале труден. В середине допускает колебания. А к концу светел и радостен.

„Отцы псалмопения называют оружием, молитву стеною, непорочные слезы умывальницею, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа”.

Что это значит? Это значит, что многообразны средства, которыми пользуемся мы в борьбе за наше спасение: псалмопение — подобно оружию в этой борьбе с темными силами; молитва создает стену, которою мы, как крепостными стенами, ограждаем себя от суеты мирской; непорочные наши слезы — это умывальница, в которой мы омываемся от наших грехов. Велико значение и псалмопения, и молитвы, и слез. Но послушания не могут заменить они. Послушание есть исповедничество Господа. Свидетельство бесстрастия. Путь самоотречения, без которого никто не узрит Господа.

Послушание дается не сразу. На пути сего подвига есть свои обольщения.

„Находящийся в повиновении, когда победит следующие два обольщения врагов, пребывает уже рабом Христовым и вечным послушником”.

О первом обольщении:

Дьявол старается находящихся в повиновении иногда осквернять телесными нечистотами, делает их окаменелыми сердцем и, сверх обычая, тревожными; иногда наводит на них некоторую сухость и бесплодие, леность к молитве, сонливость, помрачение, чтобы внушить им, будто они не только никакой пользы не получили от своего повино-

вения, но еще и вспять идут, и таким образом отторгнуть от подвигов послушания. Ибо он не попускает их разуметь, что часто промыслительное отнятие многих наших духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия, которым душа обладает.

Как часто на исповеди духовнику приходится слышать о таких душевных состояниях. Почти полторы тысячи лет назад писаны эти слова св. Иоанна Лествичника, но законы духовной жизни одинаковы для всех времен и народов. Духовные немощи и обольщения и тогда были такими же, как и ныне. И ныне пребывающие в послушании и под руководством старцев или простых духовников встающие на путь жизни подвергаются такому же нападению врага. Они вдруг начинают испытывать усиление страстей, или начинают чувствовать окаменелость сердца. То внезапная тревога охватывает их, то сухость, то лень, пропадает почти совсем желание молиться. Враг вкладывает ему мысль, что пока он не исполнял послушания, не шел по этому пути он был лучше. Лучше молился, был чище сердцем, духовнее, ревностнее работал Господу. А вот как встал под руководство — так и потерял все.

Знай — это искушение. Вражеский навет, попускаемый промыслительно, ибо такое временное лишение нас духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия.

Обольщение второе противоположно первому:

„Видел я послушников, исполненных сердечного умиления, кротких, воздержанных, усердных, свободных от брани страстей и ревностных к деланию, которые сделались таковыми через покров

отца своего. Бесы, приступившие к ним тайно, вложили в них мысль, будто они уже сильны к безмолвию и могут достигнуть через него совершенства бесстрастия. Обольщенные сим они пустились из пристани в море, но когда буря постигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение в этом скверном и соленом море”.

Это значит, что иной раз слишком быстрые успехи поражают послушника, ему начинает казаться, что он уже достиг высоты, на которой не требуется послушания. Из тихой пристани выходит он на безбрежный простор своеволия. Здесь бесы стерегут его, и начатый под руководством так успешно путь жизни духовной кончается страшным кораблекрушением. Чаще всего именно здесь впадает человек в прелесть, то есть в горделивое самообольщение.

Но, как и во всем, не надо быть и в послушании человеком с двоящимися мыслями.

„Кто иногда слушает, а иногда не слушает отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое — известь”.

То слушаться, то не слушаться своего духовника, а особенно старца, это значит, то лечить, то засорять зрение своей души. Духовное зрение наше не может быть чистым, если мы к духовным очам нашим то будем прикладывать духовную мазь послушания, то известь своеволия.

„Тем, которые взяли на себя о Господе попечение об нас, должны мы веровать без всякого собственного попечения, хотя бы повеления их и несогласны были с нашим мнением, и казались противными нашему спасению, ибо тогда вера

наша к ним искушается как бы в горниле смирения. Признак истинной веры в том и состоит, чтобы без сомнения покоряться повелевающим даже тогда, когда мы видим, что повеления их противны нашим ожиданиям”.

Здесь все с большей и большей ясностью открывается нам, какое послушание требует подвижник. Заметим, что речь идет о послушании монастырском, о руководстве старческом, где послушание является нарочитым подвигом. Духовник в миру не может взять на себя такого руководства, ибо не может руководить всею жизнью духовного своего сына. Но в объеме и его духовного руководства надлежит все же пребывать в послушании и мирянам, ибо без послушания отцу — нет сыновьего отношения, и значит нет и никакого руководства.

Вот почему в завершение наставления о послушании св. Иоанн говорит слова страшные, дерзновенные, говоря которые святой подвижник предостерегает, чтобы словами этими „не ужасались”.

„Не ужасайся и не дивись, когда скажут тебе, что лучше согрешать перед Богом, нежели пред отцом своим; потому что, если мы прогневали Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал”.

Вот последняя степень самоотречения. За тебя, послушника, даст пред Господом ответ твой отец духовный, которому вверил ты душу свою.

Сомневаешься ли ты в великом значении послушания? Спроси об этом тех, кто имел и лишился этого блага.

„Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него; ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе”.

Воистину так! Ведь мы вообще умеем ценить только то, что у нас отнимается. Пока тело наше здорово, мы не замечаем и не ценим этого блага. А когда заболеем тяжкою болезнью, думаем, что были бы счастливы, если бы исцелились от нее.

Пребывать в послушании в смысле духовном — как бы пребывать на небе. Отпавшие от него лишились этого неба и только после того, как лишились, поняли, на какой высоте стояли и куда низвергнуты.

Мы внимаем с вами словам св. Иоанна о блаженном и приснопамятном послушании. И чудится мне вопрос, который встает у многих из вас: „Ведь здесь идет речь о монастыре, здесь речь идет о настоятеле, о старце, но кого слушаться в миру?”

Скорбь великая в том, что вопрос этот основателен, сомнение понятно и что вина в этом двоякая — вина мирян и пастырей.

Долгие, долгие годы иной раз живет человек, не оглядываясь на свою жизнь. Но вот разразится беда, оглянется человек и ужаснется: да куда я зашел? Нечто подобное испытывается нами, когда мы после всех церковных потрясений оглядываемся на жизнь церковную: Боже! Да куда же мы зашли? Я не знаю книги более страшной для совести каждого из нас, чем „Книга Правил Святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отец”.

Читая именно эту книгу, видишь, как мы ушли „в сторону”, что мы забыли. Это имеет прямое отношение и к вопросу, кого слушаться.

Духовный отец, пастырь — превратился в требоисполнителя. А миряне исповедуются раз в год и считают, что чаще исповедоваться почти грешно. Но можно ли руководить духовной жизнью человека, которого видишь раз в год? И как при таких условиях возможно послушание? Как может пастырь взять на себя ответственность пред Господом за человеческую душу? И обращаются ли к пастырю за „руководством”? Не обращаются ли к нему только тогда, когда надо крестить, венчать, хоронить или отслужить молебен или панихиду? Но разве пастырство только в этом? О, конечно, пастырь не старец, но ведь ему вверены души мирян. Он должен пасти свою паству, то есть вести ее ко спасению, а для этого он должен назидать и просматривать души духовных своих чад. Без этого нет настоящего пастырства.

Вина и мирян, и пастырей не есть вина вчерашнего дня. Это вина вековая, глубоко коренящаяся в церковной жизни.

Надо общими усилиями избыть этот грех. Тогда ясен будет вопрос — кого слушаться в миру. Пусть мы, священники, станем отцами. Пусть вы, миряне, почувствуете себя детьми. Тогда вы легко найдете кого слушаться: ибо дети должны слушаться отцов своих.

А м и н ь !

Из „Надежды” вып. 5, 1981, сс. 107–116. Из трех помещенных в сборнике бесед мы печатаем здесь только третью.

ВСКРЫТИЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

11 апреля 1919 года неожиданно было произведено вскрытие мощей.

Часа в три дня я зашел в о. Варфоломею. У него уже был в гостях о. Евгений Воронцов. Мы мирно разговаривали о чем-то. Время шло.

Вдруг о. Варфоломея вызвали. Он скоро вернулся и сообщил нам, что им получено из Лавры известие, что сегодня в 6 часов вечера начнется вскрытие мощей Преподобного. Уже собираются представители власти и общественных организаций.

Тут к Варфоломею пришли Вассиан, Иоасаф и брат Иллариона архим. Даниил, живший в его квартире (в это время они все еще жили в Академии, в инспекторском корпусе).

Иоасаф узнал, что монахов всех беспрепятственно будут пропускать в Собор, в котором к этому времени закончилась вечерня. Варфоломей сказал,

Отрывок из воспоминаний о Московской Духовной Академии. — Самиздат.

Из „Надежды” вып. 5, 1981, сс. 272—289.

что всех богомольцев, бывших в Троицком Соборе, удаляют из Лавры через ворота в южной стене, которые в обычном разговоре назывались „левческими“, так как они были рядом с башней, в которой помещались монастырские певчие.

Святые и Успенские ворота уже закрыты и охраняются военными курсантами. Колокольня тоже окружена ими, а ключи от нее у монахов отобраны. Потом я узнал, что то же было сделано со всеми колокольнями приходских церквей в Посаде. Около каждой запертой колокольни стоял вооруженный часовой. Это было сделано, чтобы избежать тревожного колокольного звона.

О. Иоасаф сказал, что он немедленно пойдет в Собор, т. к. хочет лично все увидеть. Варфоломей, Вассиан и Даниил категорически заявили, что они ни в коем случае не пойдут.

— А сколько времени будет продолжаться вся эта процедура? — спросил я о. Евгения.

— Да думаю, что к полуночи кончат, — сказал Варфоломей. Видите, как бегают коммунисты по академическому саду? У них состоится сначала какое-то совещание в нашем актовом зале. Говорят, что и наместника пригласят туда.

Мы подошли к окнам. Действительно, было видно, как вереница людей приходила по дорожке к левому входу „чертогов“. Около наших окон бегали и сустились курсанты, среди них комиссар Шатагин, которого мы все знали в лицо, т. к. он был женат на дочери посадского протоиерея благочинного К. ... к великому соблазну как верующих, так и коммунистов. Он давал курсантам какие-то указания.

О. Даниил ужасно разволновался и рассердился:

— Ах, он такой-сякой, а еще попов зять! В какое дело ввязался к стыду своего тестя! Я сейчас крикну ему в форточку: „Попов зять!” И он уже лез на стул перед форточкой. Насилу мы его оттащили.

— Что вы, отец Даниил, да они нам все окна перебьют со злости, а то еще и хуже что-нибудь сделают...

Насилу он успокоился и ушел наверх в квартиру брата. О. Евгений тоже страшно разволновался: — Мне надо непременно идти домой! — Он пригласил меня ему сопутствовать. Я подумал, что если до полуночи не вернусь домой, то моя мама будет беспокоиться обо мне, а особенно, когда до нее дойдут слухи о том, что творится в Лавре.

Мы отправились. Некоторых случайно запоздавших богомольцев выпускали через калитку в Успенских воротах, которые изнутри и снаружи охранялись вооруженными курсантами. Увидев нас, они категорически отказались нас выпустить. О. Евгений был в рясе, а меня они все хорошо знали, я довольно помозолил им глаза в Лавре и вряд ли вызывал в них добрые чувства.

— Нет, вас мы не выпустим. Вы пойдете народ бунтовать. Сидите у себя в Академии.

Пришлось воротиться. О. Евгений никак не мог успокоиться. Варфоломей говорил ему, что он может ночевать у него в кабинете, он устроит его со всеми удобствами на большом турецком диване: — Ну, а без своих книг вы как-нибудь уж проведете один вечер, — добродушно шутил он. Но Воронцов не переставал волноваться и вздыхать.

— Пошли, пошли, пошли! — воскликнул Иоасаф.

— Сергей Александрович, пошли со мной!

Я заметил, что ведь он сам сказал, что беспре-

пятственно будут пропускать только монахов.

— А вы надевайте мою рясу и клобук или скуфью!

Но я не согласился на такой маскарад, да еще в такую минуту.

Иоасаф ушел. Мы стали разговаривать. О чем говорилось в такие минуты, не помню. Если бы говорили о чем-либо важном или интересном, то наверное запомнилось бы. Мы говорили только для того, чтобы хоть сколько-нибудь утишить то волнение, которое было вызвано совершавшимся событием, которое трудно было осмыслить сразу.

Всех глубоко волновал вопрос: что представляют собою мощи. Вассиан рассказал мне, что незадолго до революции в раке начался был пожар. „Дело было так, — сказал он. — На ночь Собор запирали. В притворе Николая Угодника оставался дежурный монах. Дверь из притвора в Собор тоже запирали, так что монах не мог войти в Собор, но в железной двери сделано было небольшое окошечко, через которое можно было видеть раку, так как она была прямо напротив двери и над ней горели три неугасимые лампы всю ночь. Крышка раки на ночь опускалась и закрывала раку.

И вот однажды дежурный монах заметил, что в шелку из-под крышки выбивается струйка дыма. Он тотчас же разбудил Наместника (о. Кронида) и сообщил ему о виденном. Наместник тотчас же вызвал к себе Ректора Академии епископа Феодора и проживавшего в Лавре на покое архиепископа Никона. Втроем, без участия кого-либо из других монахов, они освидетельствовали Раку.

Горела вата, которую клали по краям раки для раздачи богомольцам. По-видимому, в раку при

каждении во время вечернего богослужения из кадиланицы незаметно упала искра, она еле тлела в вате и только к ночи загорелись некоторые покровы и пелены, положенные на мощах. Их было довольно много. Частью эти покровы сгорели в тлеющем огне. А под ними были совершенно целые мощи в полной сохранности и от огня не пострадали. То же сообщил Наместник Лавры монахам”.

Слух об этом пожаре дошел и до нашей гимназии, где я тогда учился в 8-м классе. По поручению директора, который получил, по-видимому сведения из Лавры, нам наш законоучитель о. Смирнов сообщил то же, что ректор Академии студентам. Потом все позабылось. А теперь все вспомнилось, и мы невольно ждали, что будет.

Решили ждать прихода о. Иоасафа, который сообщит все. Иоасаф пришел около 12 часов и сказал, что мощи целы, но сохранились в виде древних костей. Частично руки и ступни ног превратились в прах. Никаких подделок, о чем много писали в газетах и журналах Наркомюста „Революция и Церковь” по поводу вскрытия мощей в других городах и монастырях, не было. На мощах лежало много пелен и покровов, и они-то и придавали им вид как бы мумифицированного тела. Все мы нескazanно обрадовались такому известию. На душе стало спокойнее.

Иоасаф сказал также о самом порядке вскрытия: не было никаких грубых выходов, никакого бесчинства. Все производилось тихо, спокойно, можно сказать, деловито. Все время велся протокол, который всех присутствующих заставили подписать.

— А ты подписал? — спросили его Варфоломей,

Вассиан и подошедший к этому времени Даниил.

— Нет, мне удалось увернуться от этой неприятной обязанности, — сказал Иоасаф.

— Ну и слава Богу! — сказали они. — Молодец, что сумел избежать этого неприятного рукописания.

Не помню, когда и как исчез о. Евгений. Но при рассказе о. Иоасафа его уже не было. Вскоре и я решил двинуться домой. Было уже далеко за 12 часов ночи. Кое-как мне удалось выбраться через калитку в Успенских воротах, и я сразу очутился среди конных и пеших военных, которые удерживали толпу, пытавшуюся прорваться в Лавру. Пробравшись между ними с трудом, и оборвав при этом несколько пуговиц с пальто, я очутился в кипящей толпе.

Под темным небом происходило что-то невероятное. Грухой говор, споры, иногда резкие вскрики, доносившиеся со стороны Св. Ворот, отрывки молитвенного пения, ржание коней, истерические женские голоса, визг, брань — все смешалось в сплошной гул.

Видя, что я вышел из ворот, ко мне бросилась кучка женщин. Они узнали меня, что я из Академии (наверное, не раз видели в академическом храме, где я уже несколько месяцев был церковным старостой).

— Вы были в Соборе? Что там? Что нашли? Какие мощи? — засыпали они меня вопросами.

— Я в Соборе не был, но мне сказал о. Иоасаф, который был там во все время вскрытия, что мощи Преподобного целы, но они сохранились только в виде ветхих костей...

— Врет он, — резко перебил меня какой-то муж-

чина в солдатской шинели, — вместо мощей, доску нашли!

Что тут началось! Крики, брань, вопли:

— Молчи уж, окаянный! Конечно, мы не тебе поверим, а словам батюшки о. Иоасафа!..

Он пытался сказать еще что-то, но одна из женщин, интеллигентная особа, судя по одежде, закрычала:

— Что вы его слушаете? Бейте его! — И бросилась на солдата, размахивая небольшой палочкой. Остальные, совсем простые женщины, в тулупах и кацавейках, бросились на него с кулаками... Солдат пустился наутек.

Мне даже смешно немножко стало от такой сцены. Но я вспомнил о маме, которая ждет меня и беспокоится, и поспешил домой на Штатную Всехсвятскую улицу, ведущую к Кукуевскому кладбищу, где я тогда жил. Действительно, мама не спала и ждала меня. Но она мне сказала, что она не очень беспокоилась, т. к. надеялась на мое благоразумие, а главным образом на то, что я был перед этими событиями в Академии.

— Твои отцы — такие умницы, они не пустили бы тебя в опасную кутерьму, — заметила она.

Надо сказать, что она, хотя никого из наших академических монахов не видела, т. к. из-за болезни ноги не выходила далеко от своего дома и не бывала в Лавре, но великолепно знала их всех по моим рассказам и составила о них самое хорошее впечатление. Я сообщил ей обо всем, что было, что я видел и слышал.

На другой день я узнал, что когда ворота в Лавре заперли, то на площадь тотчас побежали люди со всех концов города. Хотя власти и приняли меры

к тому, чтобы не было тревоги через звон на колокольнях, известие о том, что в Лавре будут вскрывать мощи, молнией пробежало по городу, и к шести часам вся площадь перед Лаврой была запружена народом. Люди, особенно женщины, старались прорваться так или иначе в Лавру. Говорили, что некоторые предлагали выломать кольями и бревнами Успенские ворота, которые не были чугунными, как Святые ворота, а деревянными, только обшитыми листовым железом. Конные и пешие красноармейцы и курсанты охраняли ворота.

Их пришлось на миг открыть, когда прибыли грузовики с электрооборудованием и киноаппаратами для киносъемки. Этим моментом хотели воспользоваться те, кто рвались в Лавру. Они бросились на отряды в надежде смять их, разъединить бойцов. Некоторые из военных выстрелили несколько раз в воздух (холостыми патронами, как мне потом кто-то рассказывал). Слава Богу! Жертвы ни одной не было. Лошади ржали, поднимались на дыбы, женщины пронзительно кричали, точно их резали на куски, но не отступали. Однако прорваться им не удалось. Ворота опять захлопнулись.

Потом рассказывали, что военный комиссар Посада Рейнвальд, которого впоследствии сергиевские жители знали как страстного любителя футбола и участника всех состязаний, чуть ли не почтенных лет, пытался уговорить народ, успокоить, но „какие-то остервенелые бабы” (мне так именно это и рассказывали уже несколько лет спустя) стащили его с лошади и порядком поколотили. Не знаю, насколько это верно. Мне впоследствии это рассказывали те люди, которые подтрунивали над его страстью к футболу и, видя его в трусиках на поле,

чуть ли не вдвое старше своих товарищей по команде, кричали: — Рейнвальд! Пора на свалку! — Он был благодущный человек и не обижался. Возможно, эти шутники придумали и вышеприведенное мною его злоключение в ночь 11 апреля на площади перед Лаврой...

Надо сказать, что организованные верующие, главным образом певчие церковных хоров, поспешили сообщить о происходящем посадским приходским священникам. Первым из них поспешил на площадь благочинный протоиерей Александр Петрович Константиновский, настоятель Рождественской церкви, которая была недалеко от Лавры. Возможно, что это произошло не только по случаю близости его квартиры, а и потому, что он был сильно скомпрометирован браком своей дочери в глазах верующих, и теперь спешил себя реабилитировать в их мнении. Откуда-то принесли аналой. О. Александр начал служить молебен преп. Сергию с акафистом. Певчие, среди которых было больше всего из академического хора, почти все — девушки и женщины (после отъезда студентов такой хор был организован в нашем академическом приходе иеромонахом Иоасафом, ставшим его регентом), подхватили пение, народ присоединился и, таким образом, острота положения сгладилась. На смену о. Александру прибыли другие священники, и так в течение всего времени вскрытия перед Святыми Воротами Лавры непрерывно служились молебны с акафистами, один священник сменял другого.

Монахи, запертые в Лавре, конечно, не могли принять в этом участия. Я слышал, что на другой день Наместник Лавры сердечно поблагодарил священство посадское за их молитвенную помощь в

трудную минуту: „Мы в Соборе должны были молчать, а вас Господь вразумил и сподобил помолиться в такие часы!” — говорил он.

Когда я вырвался из ворот, заканчивался последний молебен, уже становились в очередь люди, желавшие, как только откроются ворота Лавры, войти и поклониться мощам Преподобного, ставшего в эту ночь „Великомученником”, как тогда говорилось. Эту идею потом, на молебне в Соборе на следующий день, выразил в своей проповеди о. Вассиан. Действительно, на другой день, едва я только проснулся, как услышал громовый голос лаврских колоколов. Звонили полиелейным звоном, как в самые большие праздники.

Наспех одевшись и ничего не евши, (правда, в те дни и есть-то было нечего!) я поспешил в Лавру. От небольшой часовни, стоявшей на площади около красных торговых рядов (теперь в ней помещается охотничий магазин), до самого Собора тянулась большая очередь стоявших по четыре в ряд людей, желавших приложиться к мощам. Очередь двигалась крайне медленно.

Когда я подошел к Собору, то в него пройти, казалось, было невозможно. Даже около Собора стояла довольно плотная толпа людей. Два лаврских монаха, кажется, отец Диомид и еще кто-то, смогли меня провести через южный ход, возле „Серапионовской палаты”, и я смог в Соборе устроиться на хорошее место, недалеко от раки с мощами, возле места, где обычно стоял дежурный иеромонах, служивший молебны по просьбам богомольцев. Мне было почти все видно.

Собор был освещен всеми паникадилами, на огромном подсвечнике перед ракой пылало неуга-

савшее пламя огней; сгоревшие свечи непрерывно заменялись другими. Отец Вассиан сказал краткое, но непередаваемо сильное слово, во время которого раздавались плач и даже рыдания в толпе народа. Потом начался молебен с акафистом Преподобному. На клиросах вместе с монахами пели и хоры мальчиков. „Радования” в акафисте, тропарь Преподобному, некоторые молитвы — пел весь народ. Общенародное пение вообще началось после посещения Лавры Собором и происходило и на литургиях, всенощных, молебнах.

Тут я вспомнил сетования некоторых церковных писателей, даже духовных лиц, на то, что славянский язык непонятен и чужд народу, что следует в богослужение ввести русский язык, если не полностью, то по крайней мере частично. Об этом тогда немало говорилось на разных церковно-общественных собраниях и в религиозных журналах. Какая ошибка! Какое незнание души русского народа! Его разумения в области церковного богослужения!

Русский простой народ, все эти „бабы и мужики”, „парни и девки”, особенно старики и старухи, — они все прекрасно понимают славянский язык богослужения, разве только за исключением особенно древних и трудных слов, они знакомились с ним в школах, а еще больше и лучше изучили его во время своих постоянных, частых и прилежных посещений церкви и в будничные, а особенно в праздничные дни, во время своих паломничеств ко святым местам, и они с жаром, с любовью поют эти священные слова, звучащие столь возвышенно и проникновенно по-славянски, мало того, вполголоса повторяют эти святыя слова, когда их про-

износит священник или дьякон, когда в храме читается Евангелие или Апостол...

Для них эти слова — священные глаголы, они сроднились с их звучанием по-славянски, столь величественным и прекрасным, рождающим самые благоговейные чувствования и отклики в их христианской душе. Для них странно, пожалуй, и дико зазвучат эти святые слова, будучи произнесены в хоаме во время богослужения по-русски. Я знаю силу и величие русского языка. Но не прибегает ли и он к славянизмам, когда надо говорить о самом возвышенном в жизни человека?! И люди, желающие заменить в богослужении славянский язык Святых просветителей Кирилла и Мефодия современной русской речью, глубоко заблуждаются, думая, что этим они радеют о простом народе. Они этим хотят угодить не ему, а русским „образованным“, рационалистически воспитанным и мыслящим людям, оторванным от исконного народного мирочувствования и жизнепонимания.

Им-то, для которых понятны и близки разные кантианства, гегельянства и шеллингянства, материализмы, позитивизмы и прочие „-анства“ и „-измы“, и кажется чужим славянский язык, материнская основа и отеческое благословение, переданные нам нашими великими предками, тружениками, страдальцами, добродетелями, премудрыми творцами всего прекрасного и благородного на нашей земле, создавшими и наш великий русский язык, произросший из великолепных и мощных славянских корней и сохранивший свою прародительскую основу, несмотря на все заимствования из иностранных речений, а лишь обогативший ими свое незыблемое, священное основание — язык славных славян!

Я сделал большое отступление. Это свойственная мне стилистическая манера, вытекающая из стиля самого моего мышления. Я воспринял ее от моих учителей — архимандрита Иллариона, профессоров С. С. Глаголева и П. А. Флоренского, навсегда дорогих и незабвенных для меня. И написал это потому, что и в наши дни то и дело возникает вопрос об „устарелости” славянского языка в богослужении, как аналогичный вопрос об устарелости латинского языка возникает сейчас на 2-м Ватиканском Соборе у католиков. И в последнем случае я готов стать на сторону католических традиционалистов, а не „обновленцев”, как именуется направление их противников. Но о значении латинского языка я уже говорил, когда рассказывал об о. Евгении Воронцове.

Да будет прощено мне столь большое отступление. Думается, что оно не будет лишним в моих воспоминаниях. Возвращусь к прерванному повествованию.

По кончании молебна, прерванного время прикладывания к открытым мощам Преподобного Сергия, приложился и я. Помню свое первое впечатление. Открытая рака ярко освещена множеством горящих свечей на подсвечнике. Все покровы и пелены убраны. К стенкам раки отодвинуты ветхие ткани, частично пожелтевшие, по-видимому составлявшие одеяние Преподобного при погребении и обвивавшие его тело. Они напоминают грубую мешковину.

Известно, что Преподобный, по великому смирению своему, завещал предать тело свое земле-матери самым скромным, самым смиренным образом. Среди этих ветхих обрывков лежат честные кости

Святого. Отчетливо выделяется череп, коричневатого, шоколадного цвета, и небольшое количество волос, рыжеватых, слегка с проседью.

Долго рассматривать было нельзя.

Потом, работая в Загорском музее-заповеднике, я имел возможность рассмотреть все подробно. Но результат такого внимательного рассматривания мало что добавил к первому впечатлению. Разве только сероватый оттенок остальных костей и прах, тоже сероватый от рассыпавшегося тела и части костей. Я приложился к черепу Преподобного. От него исходило очень слабое, но все же ощутимое благоухание розового масла. Это, наверно, — от опрыскивания розовым маслом покровов, лежавших на мощах.

Хочу сделать еще одно отступление, необходимое, по моему мнению, в данном случае, т. к. я описываю ощущения, испытанные мною почти тотчас после открытия мощей, после многовекового пребывания их укрытыми, почти „затворенными”.

Мне приходилось в Музее изящных искусств в Москве видеть в Голенищевском собрании мумии египетских фараонов. Они на меня произвели тяжелое впечатление. Они были для меня — только разрушением человеческого естества. „Вот они, — думал я, — владыки, почти земные боги, как много значили они в дни своей жизни! Как жалки и беспомощны они сейчас, лежащие на удивление и праздное посмотрение, даже просто — глаzenie людей, из которых мало кто знает о них все прошлое, а просто смотрят, уходят и забывают. Их тела искусственно сохранены и дошли до нас через тысячелетия. Но нам чужды эти останки, мы равнодушны к ним как к таковым, нас интересует разве

лишь одна седая древность, гласящая этими мумиями. Мне не только не хотелось прикоснуться к этим мумиям, но даже было неприятно такое физическое прикосновение к *праху, персти земной*. Достаточно поглядеть — и все. Ибо это были только люди, а теперь прах этих людей.

Думалось о том, что они когда-то жили, думали, чувствовали, действовали, а теперь они — *только прах*. Чувствовалось величие древности, тягота веков, но о них, как людях, почти не думалось. Я тогда, осматривая музей, погладил слегка по спине древнего сфинкса, которому было три или четыре тысячелетия. Мне захотелось физически почувствовать древность. Но если бы кто мне предложил прикоснуться к самой мумии, то я ни за что на это не согласился бы. И совершенно немыслимым и сумасшедшим показалось бы мне предложение поцеловать мумию.

А вот видя мощи Преподобного Сергия, я почти ни минуты не думал о его эпохе, о древности этих останков, а только глубоко чувствовал их *святость*, которая делала их для меня — невыразимо словами, но понятно душою — *родными, близкими, милыми*, какою-то частью и моего малого существа. Я с благоговением приложился к ним, поцеловал этот смиренный череп, *и было это целование для меня как бы прикосновением к деснице Преподобного, словно я видел его живым перед собою*.

Сколько людей позавидовало бы мне, смирному, что я дерзаю прикоснуться к останкам *такого* человека, как Преподобный Сергей! Сколько людей невесть что отдали бы, лишь бы иметь возможность сделать то же самое! И *каких* людей! Благодарение Господу, даровавшему мне такое счастье!

Почему я думал так? Ведь с точки зрения науки и мумия фараона, и мощи Преподобного — только ветхие останки древних людей для нас. Первая сохранилась благодаря искусству мумификации, вторые — естественно сохранились, благодаря милости Божией, без вмешательства усердия человеческого. И все же между ними огромная разница. Мумия вызывает удивление, интерес, размышление о бренности людской плоти и всего земного — и только! А мощи рожают в нас чувство благоговения перед тем, кто ими был содеян милостию Божией. Мощи — это не экспонат, а святыня, родная, близкая, ближе и роднее тел наших самых дорогих покойников, которые все же — *только прах*. Мощи — свидетельство от Бога, славном во святых Своих. Мощи — свидетельство потому, что они — останки человека, взысканного еще при жизни милостью и благодатью Божественной, и прикасаясь к ним, мы как бы физически и вместе с тем духовно прикасаемся к Божественному и преисполняемся Божественной силой и благодатью. Вот почему мы с благоговением целуем мощи и испытываем умиление.

Многие верующие наклонялись к раке и, прикладываясь, закрывали глаза, „чтобы не оскорбить своими грешными взглядами наготу Преподобного”. Прикладывались до позднего вечера. На другой день богомольцев в Лавре было не меньше. Приехали из Москвы и Александрова, пришли из окрестных сел и деревень.

Самой процедуры вскрытия мошей я не описываю, т. к. в Троицком Соборе я не был и знаю о ней по рассказу иеромонаха Иоасафа. Эта процедура описана подробно в статье присутствовавшего на

ней представителя Наркомюса М. М. Горева-Галкина (бывшего священника), приложенной к его брошюре „Троицкая Лавра и Сергей Радонежский”. Эта процедура была заснята кинематографически, но неудачно. Потом соответствующий фильм демонстрировали в Сергиевском кино, но он был очень короток, заснять удалось только моменты, предшествовавшие вскрытию, а само вскрытие не было показано, „из-за недоброкачества ленты”, как было тогда сказано.

Я хотел кратко рассказать об этом моменте, но получилось несколько страниц, т. к. мне, как свидетелю тогдашних событий, важных и интересных для истории Лавры и Академии, стоит сохранить свои о нем воспоминания, равно как и о мыслях и чувствах моих в связи с этими событиями.

Жизнь была напряженная. Политические события, разные социальные мероприятия центральных и местных властей, непрерывное, скачкообразное возрастание цен на продукты питания, надвинувшийся голод, полная неопределенность при попытках так или иначе осмыслить будущее, различные мелкие, но больно бьющие затруднения, — все создавало какую-то хаотичность в восприятии бытия. Поэтому неудивительно, что сейчас, при воспоминании о днях тогдашней жизни, я не могу спокойно повествовать и рассказывать все по порядку. неизбежно приходится делать отступления, перескакивать с темы на тему (невольно вспомнишь манеру говорить о. Варфоломея!) и повторяться.

Тотчас же по окончании вскрытия около раки был поставлен часовой красноармеец с винтовкой. Власти беспокоились, что монахи захотят, может быть, скрыть мощи и распространить слухи, что

они сами чудесно исчезли после „поругания”.

Верующие заставили часового снять буденовку и стоять с непокрытой головой. Часовые регулярно сменялись и дежурили без перерыва и днем и ночью. Немало пришлось этим часовым выслушать злых и оскорбительных слов по своему адресу от некоторых возмущенных и несдержанных богомольцев. Красноармейцы всячески старались уклониться от этого наряда, и на дежурстве в Соборе, как мне потом приходилось слышать, военные части стали посылать провинившихся красноармейцев в наказание за их проступки.

Этот пост сохранялся долгое время.

Когда в 1921 году мне пришлось, будучи преподавателем Сергиевской средней школы имени М. Горького (бывшей мужской гимназии) посещать Лаврский музей вместе с учениками, выпускниками 9-го класса, в числе которых был сын профессора Академии Павел Голубцов (ныне архиепископ Новгородский Сергей), то войдя в отпертый для нашей экскурсии Собор, мы увидели стоящего около раки часового с винтовкой. Когда было ликвидировано это дежурство — не знаю.

Вскоре после вскрытия над мощами, по распоряжению гражданских властей, была сделана крышка из стекла. Ее прикрепили к краям раки сургучными печатями Наркомюста. Эти печати сохранялись до 1941 года.

Когда, в начале Отечественной войны, ценности Музея-заповедника были эвакуированы в Сибирь, то запечатанная рака вместе с мощами Преподобного тоже совершила это путешествие. Печати были сняты лишь по возвращении раки в Лавру и после передачи ее в ведение Патриархии.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАУТРЕНЯ

Рассказ

1975 год. Великая суббота...

В 10 часов вечера я пришла к своему духовному отцу, чтобы, как обычно (с тех пор, как он заболел), провести вместе пасхальную ночь, но его дочка с пропуском в кармане уехала в Елохово, а сам отец Александр крепко спал.

В большой комнате, на застеленном праздничной скатертью столе стояли кулич, блюдо с крашеными яйцами и цветы у портрета покойной матушки.

Мне стало грустно, одиноко, и, погасив свет, я прилегла на диван. С улицы доносился шум проезжавших машин, голоса, но постепенно становилось все тише, и я уснула.

Разбудил меня бодрый голос о. Александра: „Почиваете? А я хоть и плохой священник, но хочу сейчас отслужить заутреню, уже 12. А вы как, встаете?“

Я в миг соскочила с дивана. Отец Александр стоял в рясе и епитрахили. Мы пошли в его комнату. Я помогла ему завязать поручи, расстелила на письменном столе чистое полотенце, о. Александр положил крест, Евангелие, вынул книжечку с „Последованием заутрени“ и служба началась...

Сначала мы „служили“ стоя, но, быстро устав,

Из самиздатской рукописи „Непридуманные рассказы“ неизвестного автора.

сели рядом за стол и, забыв все на свете, читали и пели пасхальную службу.

Отец Александр делал возгласы, а я была и солисткой хора, и чтецом, и народом. Иногда у меня перехватывало горло и я замолкала, тогда о. Александр ободряюще начинал подпевать сам.

Когда полагалось делать возглас, голос его звучал тихо, но проникновенно, наполненный внутренней силой: „Яко Ти хвалят вся силы небесные Отца и Сына и Святаго Духа и Тебе славу воссылаем, ныне и присно и во веки веков”.

По временам он замолкал и мы тихонько плакали. Не знаю, отчего плакал он, а я плакала от радости, что есть в мире Христос и что я в Него верю.

Пропели все стихиры. Прочсть слово Иоанна Зластоуста целиком о. Александр не смог: „Дочитаєте с дочкой, когда она вернется, — сказал он, — а сейчас еще помолимся”.

И он начал читать ектению. Читал не по служебнику, а свою, импровизированную.

Читал, откинувшись всем усталым телом на спинку кресла и глядя полными слез глазами на ярко освещенные лампадой образа.

Вначале он молился о мире, о Церкви, о патриархе, о духовенстве и о тех, кто хочет стать на священнический и иноческий путь. Затем умолк и снова начал: „Спаси и помилуй всех к Тебе, Господи, взывающих и Тебя ищущих”, тут он стал читать длинный список имен своих родных, духовных чад, знакомых. Потом повернулся ко мне и сказал: „Будем сейчас вспоминать и своих и чужих, в особых условиях находящихся. Если кого забуду, подскажите. Вот Ларе скоро родить... Он помолчал и снова поднял глаза к образам: „Спаси, Господи,

и помоги всем женщинам, готовящимся стать матерями, и тех, которые рожают в эту ночь, и чад их, появившихся на свет”.

И, верно вспомнив Саню и Сашу, Танечку и Мишу, продолжал: „Благослови и пошли мир, спокойствие и тишину всем в брак вступить собирающимся...”

А мужей, оставленных женами, и жен, оставленных мужьями, — утешь и вразуми.

Спаси и наставь деток, без родителей оставшихся.

Сохрани стариков в старости. Не дай им пасть духом от болезней, печалей и одиночества.

Спаси и сохрани сражающихся в бою, тонущих в морской пучине, подвергающихся насилию и нападению злых людей.

Огради одиноких путников, идущих по дорогам и заблудившихся в лесной чаще.

Спаси бездомных и дай им верный приют, накорми голодных, огради от всякой неправды и злого навета заключенных в тюрьмах и лагерях и пошли им утешение и свободу.

Помилуй прокаженных, больных всеми болезнями, какие есть на свете, калек, слепых, слабоумных.

Помилуй, дай светлую пасхальную радость живущим в инвалидных домах, всем одиноким и бездомным людям.

Прими души всех умирающих в эту ночь, дай жизнь и облегчение лежащим на операционных столах, вразуми врачей”.

Тихо шелестела старенькая шелковая ряса при каждом движении отца Александра.

Он закрыл руками лицо и замолчал. Потом спросил: „Кажется, всех помянули?”

Я вспомнила своего соседа Юрочку, его жуткого брата и сказала: „Пьяниц забыли”.

„Всех, кто в Твою Святую ночь бражничают, бесчинствует — умири, вразуми и помилуй”, — устало прошептал о. Александр.

Светила лампада перед Нерукотворным Спасом, смотрели на нас с темного неба редкие звезды, а мы сидели старые, немощные и молились Воскресшему Господу, победившему и старость, и болезни, и самое смерть.

ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОГО СВЯЩЕННИКА ИЗ ССЫЛКИ СВОИМ ДУХОВНЫМ ЧАДАМ

Нам не удалось доподлинно узнать фамилию автора этих писем, не удалось и узнать, в каком храме он служил. По всей вероятности, он погиб, как многие сосланные и арестованные священники, в 20–30-е годы. Высота его духовного устройства, запечатленная в этих замечательных посланиях к своей пастве, внушает нам надежду, что Господь не оставит его Своей милостью и вселит его душу в селения праведных. Будем же молиться о рабе Божиим иерее Сергии, как молимся мы о новомучениках Российских.

ПИСЬМО 1-е

Слава Богу за все! В день Казанской иконы Пр. Богородицы, в конце ранней литургии начался наш первый осмотр в больнице. В день преподобного Феодора Студита нас отправили на курорт. Вижу в этом великое знамение Божие на всех нас: Матерь Божия благословила начатие нашего дела: преподобный удостоверял правильность нашего пути. Не скорбите, а радуйтесь, ибо в испытаниях мы не оставлены небесной помощью. Тем более не скорбите за меня: Господь из сутолоки великой призывает меня на служение „единого Единому”. Это в равной мере необходимо мне и вам, ибо вся моя жизнь в вас, без вас нет в ней смысла. Не скорбите и о себе,

ибо у вас еще остается величайшее, чего лишены многие, в том числе и я: богослужение храмовое; берегите его. Вот вам моя заповедь, вам, не только моим детям, но и друзьям: берегите богослужение, берегите священнослужителей ваших, родных по духу, связанных с батюшкой крепкими узами преемственности. Не ищите нормального духовного руководства, не такое сейчас время. И не найдете, если и найдете, то на мгновение. Переключайтесь друг на друга, назидайтесь друг от друга, укрепляйтесь друг другом, утешайте друг друга. „Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов”. Помните, что можете остаться совсем без иереев Божиих. Исключительность данного положения (сохранение священнослужителей и подготовка к дальнейшим испытаниям) заставляет меня, отца вашего, поставить вас временно на путь сокращения подхода к исповеди и Святому Причащению. Иного выхода нет, примите это как волю Божию. Обычно причащались 2 раза в месяц и праздники, теперь один раз в месяц и праздники великие. Готовьтесь тщательно к тем дням, когда будете приступать к Святой Чаше. Это даст вам новую, еще не ощущавшуюся вами радость. Пишу вам, „другом своим”. Богомольцы не вместят пищевого, вы же поймете меня, ибо я пишу вам рукою отца, жалея вас и понимая, чего я вас лишаю. Доверьтесь мне, исповедуйтесь у любого служащего у нас священника, помните, какое сейчас время. Молитесь за меня. Как ни радостно принимаю я свое изгнание, но и я — человек, и часто без слез и душевного волнения не могу переживать здесь праздники и особенно вечера пятницы и воскресения. Молитесь за меня в эти „мои дни”, как молились вы до сего времени. Я чувствовал

ваши молитвы. Молитесь за меня, чтобы дал мне Господь силы для нового служения Ему, ради вас и от вас. Вы же все в моем сердце, и стали еще ближе, еще дороже. Простите меня за все злое, содеянное мною в мимошедшее десятилетие совместной с вами жизни. Поручаю вас всех Божией Матери, нашим святым угодникам Божиим и друг другу. От всего сердца поздравляю вас с наступающим великим праздником Рождества Христова. Храни вас Господи, молитвами Пречистыя Своея Матери, предстательством св. Ангелов, иже во святых отец наших Николая, архиепископа Мирликийского чудотворца, святителей московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, преп. Сергия Радонежского, Феодосия Тотемского, Феодора Студита, Алексия человека Божия. Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПИСЬМО 5-е*

На закрытие храма

Страдальцам моим бездомным шлю благословение на вхождение в Великий пост.

Чувствую, что давно уже ждете от меня слов утешения, но уста мои сомкнулись и во мне самом уныл дух и смутилось сердце. Небо наше земное заключилось для нас. Как же не плакать, как не сетовать, как не скорбеть?

* Это письмо в некоторых списках приписывается священнику о. Сергию Мечеву.

„Препояшьтеся вретischem и плачьте, священники! рыдайте, служители алтаря! войдите, ночуйте во вретishaх, служители Бога моего! ибо не стало в доме Бога вашего хлебного приношения и возлияния” (прор. Иоиль 1, 13).

Созданная по образу Божию человеческая природа в радости и особенно страданиях стремится быть вместе с подобными себе. „Не добро быти человеку единому на земле, сотворим ему помощника по нему”, сказано Творцом еще в начале человеческой истории. Сам Господь наш Иисус Христос в скорби Своей смертельной, молясь в саду Гефсиманском до пота кровавого Отцу Своему и укрепляемый ангелом, по-человеческому ищет подкрепления у близких, любимых, с которыми совершал путь Своего земного служения: „Прискорбна есть душа Моя до смерти! пождите здесь и бдите со Мною”.

Грешный и малодушный, подкрепляемый постоянно вашими молитвами, вашим горением, вашим сослужением в храме, ныне одинокий и оторванный особенно чувствую свое ничтожество и тесноту. К тоске по храму прибавилась бесконечная тоска по вас и сознание своей великой вины перед каждым. Страдания ваши и лишения стояли неотступно перед глазами моими. Я не находил ни в чем успокоения себе подобно Езекии: „Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал, как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне, спаси меня” (пророк Исаия 38, 14).

Знаю, что молитесь за меня вы, и молитвы ваши, в такой скорби возносимые, дошли до Господа, и явил Он мне грешному Свою милость. Покаянные песнопения коснулись и моего унывающего сердца, а слова великого подвижника дали надлежащее направление моим страданиям.

„Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, а более в них запутается” (Марк подв. 1—189).

Вся внутренняя потянулась к Господу. Он, только Он может помочь мне, ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает; Он наказует и Он врачует (Иов 5, 18).

„Твой есмь аз, спаси мя”. „Исцели душу мою, яко согреших Тебе”. И в ответ опытно открылись в сердце моем слова древнего мудреца:

„Не предавайся печали душею своею и не мучь себя мнительностью, ибо печаль многих убила и пользы в ней нет” (Премуд. сына Сирах. 30, 22—25).

„И управь сердце твое и будь тверд во время посещения, все, что ни приключается тебе, принимай охотно, и в превратности твоего уничтожения будь долготерпелив” (Премудр. сына Сирах. 11, 24).

При умножении страданий моих в сердце моем, утешения Твои, Господи, стали веселить душу мою. По молитвам вашим исполнились на мне слова Псалмопевца: „При умножении страданий моих в сердце моем, утешения Господни стали веселить душу мою” (Пс. 93, 19). Теперь с Его помощью могу и для вас написать слова утешения и этим хоть немного умерить ваши страдания.

Суд Божий совершается над Церковью русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведет к очищению. Совершающееся неожиданно и непонятно для живущих в миру. Они и теперь еще стараются свести все к внешним, вне Церкви лежащим причинам. Живущим же по Богу давно все было открыто. Многие русские подвижники не только предвидели это страшное время, но и свидетельствовали о нем.

Не во внешнем усмотрели они опасность для Церкви. Они видели, что истинное благочестие составляет даже иноческие обители, что уходит дух христианства неприметным образом, что наступил уже самый ужасный глад — глад слова Божия, что имеющие ключи разумения и сами не входят и возбраняют вход другим, что при кажущемся внешнем благоденствии монашество, а затем христианство при последнем издыхании. Оставлен путь опытного делания, путь по которому прошли отцы древности и который запечатлен ими в их писаниях. Тайны сокровенной жизни нет, и научиться ей негде, ибо „оскуде преподобный и умалися истина от сынов человеческих”. Извне уже началось гонение на Церковь, и нынешнее время напоминает первые века христианства. Святитель Филарет московский неоднократно в беседах с близкими ему по духу указывал, что давно уже в России наступило время, подобное гонению первых веков, и плакал о детях, которым, по его словам, придется испытать худшее. Предвидение нашего времени особенно ярко сказалось у двух святителей, особенно много потрудившихся в изъяснении слова Божия — у святителя Тихона Задонского и у епископа Игнатия Брянчанинова. „Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство”, — определяет святитель Тихон современное ему состояние Церкви и предсказывает удаление христианства неприметным образом от равнодушных к нему людей, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом от того человечества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий. Столетием позже святитель Игнатий Брянчанинов говорит о монашестве и Церкви, и так определяет их положение:

„Живем в трудное время — оскуде преподобный от земли, умалися правда от сынов человеческих, наста глад слова Божия, ключи разумения у книжников и фарисеев, сами не входят, возбраняют вход другим. Христианство и монашество при последнем издыхании. Образ христианского благочестия кое-как, наиболее лицемерно поддерживается, от силы благочестия отреклись, отверглись люди; надо плакать и молчать” (Пис. с. 15).

Видя в монашестве барометр духовной жизни всей Церкви, он так свидетельствует о его состоянии:

„Дело православной веры можно признать приближающимся к решительной развязке. Падение монашества значительно, совершившееся неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную всегубящую эпидемию — остановить на некоторое время, потому что надо исполниться предреченному Писанием” (Пис. с. 245).

„С сердечным сокрушением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства” (Пис. с. 251).

„Времена, чем далее, тем тяжелее, христианство как дух, неприметным образом для суевающейся и служащей миру толпы, — очень приметным образом для внимающего себе, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. — Сушие во Иудее да бегут в горы” (Пис. с. 118).

Многие из подвижников XVIII—XIX веков смотрели на время своей жизни, как на предбедственное для Церкви Христовой. Не нужно забывать, что все это говорилось во времена полного внешнего благополучия. Не только существовали, но и благо-

устроились монастыри, основывались даже новые обители, строились новые храмы, расширялись, украшались прежние, открывались мощи святых угодников. Народ русский прославлялся как хранитель чистоты православия и истинного благочестия. Никому и в голову не приходило, что Церковь тяжело страдает и развязка не за горами. Иначе смотрели познавшие Царство Божие, имевшие Его в сердце своем. С сокрушением сердечным смотрели они на окружающую их среду и, не находя в ней жизни Христовой, предрекали грядущую катастрофу. „Одна особенная милость Божия может остановить ее на некоторое время”, — говорил епископ Игнатий Брянчанинов.

И милость Божия остановила. Перед угасанием светильник вспыхнул ярче. Так произошло и с русской Церковью. В последний век истинный свет Христова делания возжегся в некоторых обителях иноческих и из них, как раньше, во времена Антония и Феодосия Печерских и преп. Сергия Радонежского, перекинулся в мир. Снова обратились к забытому уже давно пути опытного Богопознания, которым шли великие и величайшие.

Некоторые обители с Оптиной пустыней во главе не только собирают, переводят, изучают, издают святоотеческие требования, но на их опыте строят почти наново монашеское делание. Епископы Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник не только „деяньми” читают древних подвижников, но вносят сами великий вклад в духовную отеческую литературу, опытно познанным ими изложением основ христианского делания. Непонимаемые, осмеиваемые, обвиняемые за якобы новшества, идут иноки на борьбу за святоотеческий опыт против обмир-

щения христианства. Монашество снова получает дух, огонь возжигается там, где недавно тлела искра. Заброшенные творения Отцов делаются настольными книгами. Учителями жизни становятся иноки древних Египетских, Фиваидских, Палестинских, Сирийских пустынь. Пламя деятельного христианства новой твари перебрасывается от иноков в мир. Многие тянутся к обновленным обителям с введенным в них старчеством и через них приобщаются к опытному подвижническому пути. Пастыри-иереи приходят к инокам, и от них получив святоотеческий огонек, приносят его в свои храмы. Изменяется характер церковной проповеди. Творения Отцов звучат с церковной кафедры как жизнь, а не как назидательное прошлое. Мир приближается к монастырю, разрушается между ними средостение. В храмах в основу кладется уставное богослужение с широким участием в нем способных к этому верующих. Покаяние делается основой жизни. Возникают покаяльные семьи с непрерывным освящением в таинствах. В корне изменяется строй приходского прежнего бытового христианства с хождением в храм и ежегодным причащением.

Со времени преподобного Сергия не было еще такого оживотворяющего сдвига. Казалось, делание духовное, начавшись так дружно, расширится по всей земле нашей.

Но иными путями повел Невесту Свою Жених церковный — Сам испивший чашу смерти, Он и ей предлагает очистительные крестные муки.

Вот она, оплеванная, заушенная, поруганная, возводится на Голгофу и обнаженная пригвождается ко кресту. Для верных чад ее открывается путь исповедничества, мученичества, а главное, величайших скорбей и величайших лишений.

Спросили однажды скитские отцы авву Исхириона: „Что сделали мы?“ и он ответил: „Мы соблюдали заповеди Божии“. Отцы спросили: „Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?“ Он ответил: „Они будут иметь делание вполонину против нашего“. Отцы опять спросили: „А те, которые будут после них?“ — „Эти, — ответил авва, — отнюдь не будут иметь монашеского делания, но их постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и отцов наших“.

Особые скорби, небывалые нашествия — удел наших дней. В покаянии и преодолении их — смысл нашей жизни. Отъятие видимой стороны христианства — главнейшее из всех лишений; изгнание, заточение, горькие работы — ничто по сравнению с ним. Это отъятие храмов, по слову Божию, можно было бы предотвратить покаянием.

„Обратитесь ко Мне сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь ко Господу Богу вашему, ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не сжалится ли Он и не оставит ли благословения, хлебного приношения и возлияния Господу Богу вашему?“ (Иоиль 2, 12—14).

Но где мы слышали всеобщий призыв к покаянию? где видели архипастырей и пастырей неотступно у жертвенников проливающих реки слез и подвижающих к тому же народ свой? (Иоиль 2, 17).

Дипломатические таланты архиереев поставили выше слова Божия, на них возложили надежду, в них положили свое спасение. Ложно хотели сохранить царство истины.

И посмеялся Господь над ними и до конца изливает гнев Свой. Не перед нашими ли глазами отнимается „от дома Бога нашего веселие и радость” (Иоиль 1, 16). Истощают, истощают до основания видимую сторону Церкви.

Дети мои, суд Божий совершается. Покаянно припадем ко Господу и найдем в себе силы сказать с пророком:

„Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил перед Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суда надо мною; тогда Он выведет меня на свет, и я увижу правду Его” (Прор. Михей 7, 9).

К принятию нового образа спасения призывает нас Господь. Множество храмов рукотворенных, благолепно украшенных было открыто столетиями. И в то же время множество храмов нерукотворенных в мерзости запустения пребывали заключенными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божиими. Огоньки смиренного мученичества вскрывают повсеместно, особенно на далеких окраинах. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, изолированные от мира, на голой земле, на снегу или в случайных избах, без гробов и священнического напутствия умирают иереи, иноки и верные. В покаяльных храмах отходящих душ их возносится ими молитва за грехи всей Церкви, возлюбившей внешнее паче внутреннего и обряд больше духа Церкви, не нашедшей в себе даже в годину исключительных бедствий целительных слез покаяния.

Искорки терпеливого исповедничества мерцают всюду, от Ледяного океана до раскаленной пустыни.

В покаянном плаче молятся открывшие терпением обстоятельств свои сердечные храмы, изгнанные за служение в храмах Божиих! Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент крещения и освященный Им в момент первого причащения. Храм этот наш, никто никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. В нем мы каждый — иерей и кающийся. Жертвенник его — сердце наше, и на нем мы можем приносить всегда на слезах наших великое таинство покаяния. Трудно нам, запустившим наш храм невидимый, жившим храмом видимым принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, примем все как заслуженное. Разве не Господь посылает это? Разве лучшие из нас не вступили давно на этот путь? Надолго или совсем — Одному Господу известно — уходит от нас видимая сторона христианства.

Станем добре, станем со страхом Божиим.

Маленький родной дом Божий! сколько радости чистой, неземной получали мы через тебя. Иерусалиме наш земной, возводящий нас непрестанно к горнему Сиону! Много раз навернутся на глазах наших слезы при воспоминании о нашем земном рае.

„Если я забуду тебя, Иерусалиме, да будет забвенна десница моя. Прильпни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю тебя как время веселия”.

Большая чуткость духовная дана вам от Господа. Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошел в свое время каждый из

вас, в нем почувствовал правду святоотеческого пути. В наступившую было весну Церкви русской вы явились делателями в ее винограднике. С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устройство храмов жизни покаяльной семьи нашей.

Вы не только живые свидетели, но и участники последнего озарения угасающего по Воле Божией светильника Церкви русской.

В грядущем страшном испытании Церкви Христовой молю Господа, Его Пречистую Матерь и святых угодников наших, чтобы они явили вас истинными делателями виноградника Христова.

Родные мои, явим себя во всем как служители Божии, в великом терпении, в нуждах, в тесном обстоянии, под ударами, в немощах, в изгнании, в трудах, во бдении (2 Кор. 6, 5).

Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой.

Из „Надежды” вып. 6, 1981, сс. 235–237 и 250–260. Пять писем. Мы перепечатаваем здесь письмо 1-е и письмо 5-е.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Поддержите „Надежду”!	5
От участников религиозного движения в России	9
<i>С. И. Фудель. У стен Церкви</i>	10
<i>Илларионов. У преп. игумена обители земли русской</i>	22
... И этот путь предан нам от отцов	31
История одного обращения	43
<i>Прот. В. Свенцицкий. Монастырь в миру</i>	49
<i>А. Волков. Вскрытие мощей преп. Сергия Радонежского</i>	59
Последняя заутреня	77
Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам	81

ПОДПИСЧИКАМ И ЧИТАТЕЛЯМ „ВОЛЬНОГО СЛОВА”

Начиная с 1982 года, мы решили прекратить регулярный выпуск „Вольного слова”.

Это приложение к журналу „Посев” было задумано как дополнение к информации, помещаемой в „Посеве”, как сборник „Документов Самиздата”. Первый номер „Вольного Слова” был выпущен в 1972 году, и за десять лет это — 44 сборника.

Мы старались оказать посильную помощь правозащитному движению и содействовали популяризации самиздатских документов.

С течением времени эту задачу стали перенимать другие издательства, выпускающие журналы и газеты на русском языке. Актуальные материалы теперь публикуются многими периодическими изданиями, в том числе и журналом „Посев”.

Таким образом, необходимость в отдельном издании постепенно отпала. Взамен предлагаем и призываем наших читателей подписаться на сборник „Надежда”, который составляется в России и отражает ее духовные поиски (вышло уже 6 номеров). Мы также предполагаем выпускать отдельные сборники самиздатских документов по мере накопления интересных материалов и средств для издания их.

Издательство „Посев”

Прошу подписать меня на сборники

„Н А Д Е Ж Д А”

на следующие номера:.....

Условия подписки:

За три номера (в каждом около 400 стр.) :

через представителей 72 н. м.

непосредственно в издательстве 60 н. м.

с целью поддержки 100 н. м.

Цена отдельного выпуска 24 н. м.

Фамилия, имя.. ..

Адрес.....

.....

.....

Оплату произвожу

приложенным чеком

почтовым переводом

Просим заполненную страничку послать
на адрес:

Possev-Verlag
Flurscheideweg 15
D – 6230 Frankfurt am Main 80

÷.....

Postscheckkonto Ffm. Nr. 33461-608

Dresdner Bank, Ffm., Kto Nr. 241275500

Выпуски с 1 по 8: «Хроника текущих событий» №№ 21-27.

— Меморандум Демократического Движения. — Статьи В. Чалидзе и Л. Краснопевцева.

— Суд над В. Буковским. — «Сеятель» № 1 и 2. — Религиозные документы. «Свободная мысль» № 1. — Листовки Гражданского комитета. — Р. Пименов. Один политический процесс.

Выпуск 9-10: «Вече» № 5 и статья Ф. Карелина.

Выпуск 11: Документы по делу Леонида Плюща.

Выпуск 12: М. Я. Макаренко. Из моей жизни.

Выпуск 13: Свидетель по собствен. делу и др. документы.

Выпуск 14-15: Мое последнее слово. Речи подсудимых на судебных процессах 1966-1974.

Выпуск 16: «Ре Патриа» № 1.

Выпуск 17-18: Из журнала «Вече» №№ 7, 8, 9, 10.

Выпуск 19: Попытки заключенных в тюрьмах Грузии.

Выпуск 20: Из журнала «Земля» №№ 1 и 2.

Выпуск 21: Из-за колючей проволоки.

Выпуск 22: ВСХСОН. Материалы суда и программа.

Выпуск 23: Хроника архипелага ГУЛАГ.

Выпуск 24: Сопротивление религиозным преследованиям.

Выпуск 25-26: Группа Содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Выпуск 27: «Как вести себя на обыске» и другие документы.

Выпуск 28: Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Документы.

Выпуск 29: Июньские новости. Марк Поповский.

Выпуск 30: Свободный профсоюз трудящихся. Устав и другие документы.

Выпуск 31-32: Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Информационные бюллетени.

Выпуск 33: Свящ. Д. Дудко. «Враг внутри». «В свете преображения».

Выпуск 34: СМОТ. Информационные бюллетени.

Выпуск 35-36: Свящ. Г. Якунин. О современном положении Русской Православной Церкви.

Выпуск 37: Ю. Белов. Размышления не только о Сычевке.

Выпуск 38: «Женщина и Россия».

Выпуск 39: Христианский семинар.

Выпуск 40: И. Русланов. Жизнь и афоризмы Кузьмы Пруткова (внука).

Выпуск 41-42: Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР.

Выпуск 43: М. А. Нарича. После реабилитации.